

ПАНДОРА ВАЙС

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СВЕТ
ДЛЯ
БЕССМЕРТНОГО

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ВО ТЬМЕ

Пандора Вайс

Свет для Бессмертного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72988607

SelfPub; 2025

Аннотация

Я не верила в любовь. Не после того, как жизнь превратила меня в беглянку из собственного прошлого.

Встретив его в Нью-Йорке, я знала – рядом с таким, как он, нет места девушке вроде меня.

Стефано Бьянки.

Холодный, опасный и смертельно притягательный. Его называли Бессмертным – не потому, что он не может умереть, а потому что даже смерть склонила перед ним голову.

Он разрушил мой покой, стер границы между страхом и желанием, сделал боль сладкой, а наслаждение – зависимостью.

Я поняла, что обречена, как только взглянула в его горящие глаза. Потому что в моем мире любовь к мужчине вроде него – это неукротимый огонь, который сожжет всё.

Но я уже не могла уйти.

Потому что иногда даже во тьме можно найти свой свет.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	28
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	44
ГЛАВА 6	55
ГЛАВА 7	67
ГЛАВА 8	76
ГЛАВА 9	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Пандора Вайс

Свет для Бессмертного

Пролог

Алисия.

«У каждого имеется своя судьба, надо только распознать её. И момент выбора возникает у каждого».

Я убегала из Чикаго. Из своей жизни. Убегала, даже не зная, куда бегу. И что ждёт меня впереди.

Жара впивалась в кожу, как воспоминание, от которого невозможно было скрыться. Август палил без пощады, будто хотел испепелить меня до основания, выжечь остатки чувств, а потом снова притворялся ласковым: заливал улицы ослепительным светом, рисовал ленивые облака в прозрачной вышине, как будто это было просто ещё одно обычное лето, а не медленное испепеление. Небо нависало над городом бездонным куполом, излучая насмешливое равнодушие. Солнце вылизывало асфальт, пока тот не начинал дышать жаром, как живая плоть. Горячий воздух колыхался над дорогой, пряча очертания машин в зыбком мареве, и каждый вдох обжигал горло.

Не оглядываясь, я быстро шла по узкой пыльной улице.

Потертая сумка тянула плечо, хотя внутри было почти пусто – собиралась я в дикой спешке. Стоял полдень, и я была довольно далеко от дома, и всё же я чувствовала его дыхание за спиной. Казалось, он может быть где угодно: за углом, в переулке, в тёмном подъезде. Стоит мне замедлиться – и он вынырнет, схватит, вдавит в стену.

Перегар. Густой, липкий, с примесью злобы. Я ощущала его запах даже здесь, в незнакомом районе, среди чужих людей. Он будто въелся мне в кожу.

Я ускорила шаг, а потом почти побежала. Кулаки сжались так сильно, что ногти впились в ладони. Я бежала не из города. Я бежала из ада.

Мама умерла три дня назад.

Дешёвый гроб, слишком лёгкий, будто пустой, пах фанерой и дезинфекцией. На похоронах шёл дождь, и я помню, как капли стучали по крышке, будто пытались её разбудить. Но мама не просыпалась. Она не просыпалась уже четыре года – с того дня, когда отец умер в ванной. С иглой в вене и пеной у рта.

Мне тогда было пятнадцать. Достаточно, чтобы понимать, что смерть – это навсегда, и недостаточно, чтобы выдержать её запах, её тишину и холод. Я стояла в дверях и смотрела, как жизнь уходит из отца, и чувствовала только тошноту и онемение. Помню, как мама нашла его и впервые за долгое время рассмеялась. Пусто, хрипло, почти облегчённо. Потом

открыла бутылку водки и выпила до дна.

– Наконец-то, – сказала она.

И больше никогда не была прежней. Она перестала вставать с дивана. Наш дом стал гнить вместе с ней: ободранные обои, пятна на полу, пустые банки и бутылки, запах дешёвого пива, сигарет и чего-то прогорклого. И ещё – они. Мужики, которые приходили, когда мама была слишком пьяна, чтобы прогнать их. Их взгляды цеплялись за меня, как липкие пальцы. Иногда они позволяли себе больше, и мама делала вид, что не замечает.

А я... я училась выживать.

Я научилась воровать булочки из супермаркета, шоколадки, пачки чипсов. Научилась прятать их под одеждой, чтобы хоть чем-то заглушить голод. В холодильнике никогда не было готовой еды или продуктов, а в нашем доме я давно забыла про тепло и заботу. Только вечный запах дешевого алкоголя, мусор и равнодушие.

После похорон я вернулась в квартиру. Тесную, прокуренную, облезлую. Там, где всё застывало в грязи. Он был там. Сожитель матери. Толстый, грязный, всегда в засаленной потной майке с пятнами и с бутылкой в руке. Он сидел за столом, пил палёный виски прямо из горла и даже не притворялся, что горюет.

– Деньги есть? – спросил хрипло, не поднимая глаз.

– Я потратила всё на похороны, – я постаралась, чтобы

мой голос звучал уверенно.

Он хмыкнул и поднялся. В ту же секунду воздух в комнате изменился – стал вязким, густым, как бензин перед пожаром.

– Можешь отплатить по-другому, – бросил он, мерзко улынувшись.

Я сначала не поняла. А потом он подошёл. Ближе. Потом ещё ближе, настолько,

что я ощутила его запах – он вонял перегаром, потом и грязным бельём. Опухшее лицо, гнилые зубы, мутные глаза. Его несвежее дыхание ударило прямо мне в лицо, и меня чуть не вывернуло.

– Ты ж теперь без мамыши, – пробормотал он, и внезапно зажал мне рот. Второй рукой грубо полез под кофту, схватил за грудь.

– Не вздумай орать, тупая сучка.

Я дёрнулась, но он был сильнее. Прижал к стене, и я почувствовала, как он пытается задрать юбку, его пальцы жадно хватали меня, как кусок мяса. Сердце билось о рёбра, душила паника, я задыхалась от шока и страха.

И тут я увидела его. На небольшой тумбочке стоял флакончик дешевого лака для волос. Мамин, давно забытый.

Я потянулась и схватила его. Бинго! Едкая струя попала ему прямо в глаза.

Он взвыл от боли и отпустил. Я рванулась, выскочила в

коридор, босиком, со стоптанными кедами и сумкой в руках. Внутри только документы, старенький телефон и немного наличных.

На улице меня трясло. Казалось, что стены всё ещё давят, а его руки всё ещё держат меня. Я дышала рвано, хватая воздух, будто тонула. И знала одно: я не вернусь. Никогда. Немного отдышавшись, я натянула кеды и пошла прочь.

На автобусной остановке я набрала единственный номер, который знала наизусть.

– Мия... – я пыталась взять себя в руки, но голос все равно сорвался.

– Алисия? – в ее голосе послышались удивление и тревога.

– Мия, мне нужно уехать. Мне некуда идти.

Она молчала пару секунд. Потом твёрдо сказала:

– Приезжай. У меня мало места, но мы справимся.

Мия Рамос. Единственный близкий человек, оставшийся у меня. Мы познакомились когда-то в интернете, пару раз встречались, и вскоре сильно сдружились. Мия всегда казалась сильной, живой, настоящей, такой, какой я никогда не была. Она не боялась менять свою жизнь, и поэтому год назад уехала в Нью-Йорк – город возможностей. Подруга звала с собой и меня, но я не могла оставить мать, пусть даже ей давно не было до меня никакого дела.

Я купила билет до Нью-Йорка. Все деньги ушли на него, в кармане не осталось ни цента. В животе урчало от голода, но я не чувствовала слабости. Только странную лёгкость. Свободу.

Нью-Йорк встретил меня ревом улиц, жарой и пылью. Солнце отражалось от стеклянных фасадов, машины сигнализировали, люди спешили, не замечая друг друга. Я чувствовала себя маленькой, потерянной, но в этом хаосе было что-то новое. Шанс на другую, лучшую жизнь.

Мия ждала на автовокзале. Непокорные чёрные кудри до талии, рваные джинсы и косуха, пахнущая кожей и свободой. Она тепло улыбнулась, крепко стиснула меня в объятиях, и на секунду я поверила, что смогу начать заново.

Её квартира в Бруклине была крошечной: матрас на полу, протекающий кран на тесной кухне, облезлые стены с развешенными всюду плакатами каких-то групп. Но для меня это место было лучше любого дворца. Мия поделилась со мной одеждой, дала подушку и плед. Мы пили чай из дешёвых пакетиков, сидя прямо на полу, и Мия рассказывала о Нью-Йорке: о барах, где подают коктейли с перцем, о подпольных концертах, о мужчинах, которые смотрят на тебя, как на добычу...

– Ты теперь в безопасности, – сказала она твердо.

Я кивнула. Но в глубине души чувствовала – безопасность не значит покой.

Следующие дни я искала работу. Обошла кучу ресторанчиков, баров, кофеин, заходила в каждый придорожный мотель. И везде мне отказали. Либо у них все места действительно были заняты, либо я им не подходила. А возможно, просто никто не хотел связываться с девушкой с пустым резюме и глазами, полными усталости.

«Верона» была настоящей дырой.

Темный бар, где пахло кислым пивом, перегаром и липким потом. С клиентами, которые смотрели на официанток, как на десерт.

Меня взяли потому, что предыдущая девушка «уволилась».

– Сломала руку, – усмехнулся бармен. – Упала.

Я поняла, что он врет, но мне уже было все равно. Я научилась улыбаться. Наливать. Молча игнорировать похотливые взгляды и сальные шуточки.

Не знала я только одного – что однажды дверь откроется, и он войдет.

С черными волосами, падающими на лоб, и пронзительными темными глазами. И моя жизнь перевернется. Снова.

ГЛАВА 1

Алисия.

«Я думаю, что мы всегда увлекались бандами и гангстерами, и я думаю, что так и будет»

Если ты думаешь, что дно – это когда у тебя нет денег, ты ошибаешься. Настоящее дно – когда у тебя нет ни сил, ни желания бороться. Когда запах прокисшего пива, затхлых тряпок и сигаретного дыма становится для тебя естественным фоном, привычным, почти родным. Когда грязные мужские шуточки перестают резать слух, а превращаются в ту самую музыку, которая сопровождает каждую ночь. Когда ты улыбаешься, потому что если не улыбнёшься, то просто рыдаешь.

И тогда каждый вечер превращается в одинаковую петлю. Та же обшарпанная стойка, те же столы, в которые давно въелись пятна вина и крови. Те же мужчины, которые смотрят не на тебя, а сквозь, оценивая, будто вещь на витрине. И ты улыбаешься им, потому что работа требует. Улыбка здесь – щит.

Я стояла за стойкой, вытирая грязное пятно тряпкой и пытаюсь навести хоть какой-то порядок. Где-то в углу слышался грубый лающий смех, кто-то кричал, чтобы убрали разбитый стакан и принесли новый. Всё это было частью одной и той

же пластинки, заезженной, хриплой и бесконечной.

Воздух был вязким и тяжёлым из-за вечного сигаретного дыма. Потолочные лампы едва мерцали, отбрасывая на стены грязно-жёлтый свет, от которого обстановка казалась ещё мрачнее. «Верона» была не просто баром. Это было убежище для тех, кто уже перестал верить, что завтра может быть другим. Для тех, ктопил, чтобы стереть память, и для тех, кто продавал себя и остатки своего достоинства – за рюмку, внимание или ночь.

Сара, официантка в юбке, которую и одеждой-то можно было считать с натяжкой, пробежала мимо. Пустые, давно потухшие глаза в сеточке мелких морщин. Один из клиентов смачно хлопнул её по заднице, но Сара даже не оглянулась. Я знала это состояние. Сначала ты возмущаешься. Потом замираешь. А потом... перестаёшь реагировать. Потому что так проще. И потому, что иначе не выживешь. Я смотрела на неё и думала: это место – настоящий склеп. Склеп для женщин, у которых когда-то были мечты. Здесь они умирают, медленно, но необратимо.

И именно в такой вечер он вошёл.

Я услышала его раньше, чем увидела. Просто внезапно стало слишком тихо. Казалось, застыл даже воздух, бар, который всегда был наполнен гулом, вдруг замер. Люди замолчали, оборвав все разговоры на середине. И я поняла – что-то изменилось.

Я подняла глаза – и увидела его.

Он вошёл так, словно владел этим местом. Высокий молодой парень в тёмной, почти чёрной рубашке, плотно облегающей широкие плечи. Рукава закатаны до локтей, оголяя сильные предплечья, на одном из которых татуировка: клинок, обвитый коброй и какая-то надпись. Он двигался с выверенной, почти зловещей плавностью, не просто занимал пространство, а безраздельно подчинял его себе. Я отметила быстрым взглядом чёрные джинсы, дорогие ботинки и часы – что ж, он явно ничего не знал об экономии. Волосы чуть взъерошенные, будто он только что поднялся с чьей-то постели. Лицо резкое, будто вырезанное из мрамора: чёткая линия челюсти, острые скулы. И губы – слишком правильные, слишком чувственные для такого жёсткого лица.

Но глаза... Господи Иисусе, эти глаза. Чёрные и непроницаемые, словно ночь без звёзд, они не просто смотрели – они проникали внутрь, в самую суть. И казалось, что если он захочет, то увидит всё: каждый мой страх, каждую грязную тайну, каждый постыдный эпизод прошлого.

Стефано Бьянки.

Я тогда не знала его имени. Но сразу поняла – он не из тех, кто просто зашел выпить или потрахаться. Этот парень – не просто очередной клиент, он – хищник.

Он подошёл к барной стойке и опёрся обеими ладонями, словно с трудом сдерживал внутри ярость, чтобы не разнести это место к чертям. От него пахло дорогим табаком, кожей

и чем-то ещё... чем-то, что будоражило нутро. Запах силы.

– У тебя есть что-то не палёное? – голос низкий, с хрипотцой. Итальянский акцент едва заметен, как перчинка в блюде, которую не ждёшь, но чувствуешь мгновенно.

Я моргнула, поймав себя на том, что разглядываю его слишком откровенно.

– Если ищешь изысканный вкус, ты ошибся адресом, – выдавила я. – Но налить могу. От этого хотя бы не слепнут. Обычно.

Он наклонился ближе и моё дыхание сбилось. Это было не просто приближением, это было наглым вторжением в мои личные границы, но по какой-то непонятной причине я не испытывала страха. Его энергия давила, обжигала и притягивала.

– Налей, – сказал он тихо.

Я потянулась за бутылкой виски, стараясь не выронить её. Почему у меня трясутся руки? Это *смешно...*

Я поставила перед ним бокал.

– За счёт заведения, – бросила я, скрестив руки. – И не потому что ты страшный. Просто уверена, что ты всё равно не платишь.

Угол его губ едва заметно дёрнулся.

– Верно думаешь, детка.

Он взял стакан, медленно отпил. Смотрел прямо на меня, но я чувствовала, его не интересовал вкус напитка. Его интересовало, *как я реагирую на него.*

Я поймала себя на том, что дышу чаще. Проклятье.

Я должна была отвернуться. Заняться чем-то. Но застыла. Загипнотизированная. Этот мужчина не просто опасен. Он *разрушителен.*

И тут всё стало хуже. Оказалось, он пришел не один.

В темной глубине бара, из-за крохотного столика в углу, встали двое крепких мрачных мужчин и подошли к какому-то парню. Я присмотрелась внимательнее и узнала парня – Дэнни, местный алкоголик и долговой клиент. Он промышлял чем-то с доставкой, вечно тонул в долгах, соплях и жалких извинениях.

– О, чёрт, – пробормотала Сара рядом. – Это Дэнни. Опять.

Я увидела, как один из громил, лысый со шрамом через всю щёку, рывком поднял его с места.

– Просрочка две недели, Дэнни, – прохрипел он.

– Я... я почти собрал... – лепетал тот, бледный, как смерть.

В этот момент эти двое отступили. А Стефано спокойно сделал шаг вперёд.

Одновременно с этим он неторопливо закатывал рукава

рубашки выше – это движение казалось почти интимным, и от этого стало ещё страшнее. На руках проступили вены – толстые, рельефные, словно живые – они дышали, раздувались, требовали крови. Эти руки были совершенным оружием разрушения.

– Ты взял деньги Ломбарди. Деньги Каморры. И не вернул, – его голос звучал так спокойно, будто речь шла о забытом долге за чашку кофе, а не о смертельной ошибке несчастного Дэнни.

– Я... я не знал... – выдавил Дэнни сипло, дрожащие губы едва слушались его, испуганные глаза метались по сторонам в поисках выхода, которого не существовало.

– Ты знал, – отрезал Стефано без колебаний, сурово вынося приговор.

Первый удар был таким быстрым, что я даже не увидела, а скорее почувствовала его. Кулак врезался в лицо Дэнни, и я услышала тошнотворный хруст, а потом голова бедняги неестественно откинулась назад. Второй – в живот, резкий, сильный, от которого Дэнни сложился пополам с тихим стоном, словно марионетка на оборванных нитях. Третий удар пришелся в висок.

Это не было вспышкой ярости. В прошлой жизни мне часто доводилось наблюдать, как другие мужчины теряли голову, нанося удары. Кричали, матерились, топтали. Но Стефано был холоден. Он бил так, как хирург режет скальпелем – без эмоций, но точно, без шанса на ошибку. Глухой

треск разнёсся по комнате. Я не была уверена, что сломалось – очередное ребро Дэнни или моя мораль. Потому что смотреть на это оказалось одновременно мучительно страшно и невозможно притягательно.

Дэнни захлёбывался собственной кровью, его дыхание вырывалось из груди короткими судорожными вздохами. Он уже не стоял – грузно рухнул на пол, слабое тело дёргалось конвульсиями. Он шептал что-то невнятное, жалобное, но обрывки фраз растворялись в вязкой темноте комнаты. Его глаза закатывались, но губы всё ещё умоляли.

– У тебя есть три дня, Дэнни, – произнес Стефано, вытирая руку о его футболку. – И лучше тебе заплатить, или я навещу тебя в последний раз.

Тишина в баре была гробовая. Никто не вмешивался. Никто даже не дышал громко.

А потом он повернулся ко мне. Наши взгляды встретились.

И всё моё тело предательски откликнулось. Между ног свело, горло пересохло. Я чувствовала возбуждение, настоящее. И это пугало меня намного сильнее, чем то, что только что произошло.

Я должна была испугаться и отвернуться, трястись от страха и отвращения.

А вместо этого... я *впилась* в него взглядом. Меня тянуло к нему, как магнитом.

Что-то внутри меня, тёмное и опасное, проснулось и разгоралось ярче с каждой секундой. И это сбивало с ног. *Что со мной не так...?*

– Ты в порядке? – спросил он.

Я кивнула, пряча глаза.

– Уверена?

Я сглотнула.

– А ты всегда устраиваешь такие шоу, когда заходишь выпить?

Он усмехнулся.

– Нет. Только когда бармен – с огоньком в глазах.

– Это не огонь. Это отчаяние, – пробормотала я.

Он поставил стакан передо мной.

– Тогда пусть отчаяние наливает ещё.

Я плеснула еще виски. Пальцы всё ещё дрожали.

– Как тебя зовут?

Я заколебалась всего на мгновение, потом ответила:

– Алисия.

– Стефано, – представился он.

Он произнёс своё имя так, будто клеймил меня им.

Наши глаза снова встретились. Он склонился ближе. Его

бархатный голос словно скользил по моей коже, вызывая непрошенные мурашки.

– Спасибо за выпивку... Алисия.

Его слова повисли в воздухе, смешавшись с запахом виски и духов. Он ушёл. Не попрощался. Не обернулся. Просто растворился в ночи. А я осталась стоять. С пульсирующим сердцем, с дрожью в теле, с диким возбуждением, от которого было стыдно. Я знала: этот человек – зло.

Но у зла были чертовски красивые руки.

ГЛАВА 2

Алисия.

«Месть – это блюдо, которое нужно подавать холодным»

– Ты хоть знаешь, кому принадлежит клуб, где ты работаешь, Алисия? Ты знаешь, кому принадлежат все клубы этого города... и сам этот чёртов город?

Голос Мии глухо плыл сквозь сизый дым и душную тишину нашей маленькой кухни, словно ей приходилось проталкивать слова через смог ночной усталости. Мы сидели на полу – колени к коленям, разбросав диванные подушки, рядом валялись пустые коробки из-под остывшей пиццы и полупустая бутылка дешёвого вина. Пол под подушками всё равно оставался ледяным, и этот холод, казалось, поднимался вверх по позвоночнику, запутывался в рёбрах. За окном фонарь полосовал наши лица жёлтыми мазками света, будто мы сидели не в съёмной квартире на окраине, а под лампой в допросной.

– Мне казалось, ты говорила, что они бизнесмены. Инвесторы, – я перевела взгляд на узор бокала, пряча за ним дрожь пальцев.

– На бумаге – да, – Мия хмыкнула, плавным красивым жестом стряхнула пепел и глубоко затянулась. – Но факти-

чески – все принадлежит мафии. Они – Каморра. Имена таких людей, как братья Ломбарди, не пишут на вывесках. Но они всегда стоят за всем, что пахнет деньгами. И за всем, что пахнет кровью.

Имя Ломбарди ударило в тишине, и мне почему-то стало тревожно. В тени от жалюзи по стене качнулась длинная тёмная полоса – как если бы некто протянул длинную руку.

– Ломбарди, – выдохнула Мия, и у меня по спине побежали мурашки. – Они держат этот город за горло. И чем сильнее он дёргается, тем крепче они сжимают.

Она дотронулась до горлышка бутылки и оттолкнула её ногой, стекло тонко звякнуло.

– Анджело Ломбарди, – сказала Мия почти беззвучно. – Старший из них троих, глава семьи. Он стал доном всего в двадцать два. Не потому что хотел – потому что должен был. Потому что никто другой не осмелился бы и никто бы не смог.

Она рассказывала дальше, и понемногу слова обретали плоть. Перед глазами вставали сцены, от которых хотелось отвести взгляд и зажмуриться, но я не могла.

Сальваторе Ломбарди – отец Анджело и прежний дон Каморры – был не просто жестоким. Он был чудовищем, садистом с железными нервами, у которого любовь к контролю пахла холодным металлом и палёной кожей. Для него мальчики были не сыновьями, а заготовками, которые следовало «закалить». Он запирал их в подвалах особняка – сы-

рость, ржавая вода, цепи на крюках, мигающая лампочка под потолком. Там, где стены помнили множество мучительных стонов, он устраивал им экзамены.

Он ломал мальчикам рёбра и ждал, кто первым научится дышать сквозь боль. Вдавливал лицами в цемент, слушая, как скрипят зубы о холодный бетон. Втыкал ножи – неглубоко, нарочно – чтобы не покалечить, но растянуть пытки. Гасил сигареты об их запястья и плечи; вытягивал ногти столько раз, что кожа на кончиках пальцев сморщилась и стала тонкой, как старый пергамент. Держал без еды трое суток, а на четвёртые бросал сыновьям под ноги миску сырого мяса, наблюдая, кто первый опустит голову.

Его паранойя была бездонной: он видел врагов в собственной плоти и крови и смеялся, когда кто-то из мальчиков срывался на крик. Сидел в кожаном кресле, словно зритель в первом ряду, и наслаждался спектаклем, где каждый вдох оплачивался кровью. Он хотел выжечь из них человека. Оставить только кость, сталь и ледяной инстинкт.

Но Анджело не плакал. Никогда. Он смотрел отцу в глаза с кровью во рту и молчал, как каменное изваяние. Умирал понемногу каждый день и воскресал ещё сильнее.

И однажды – Анджело забрал всё.

В ту ночь Совет собрался в общем зале их дома: сигары, старый выдержанный виски, тяжёлые кресла и привычная рутина власти. Мягко распахнулась дверь, и Анджело вошёл спокойно, также как входил каждый вечер до этого. Его глаза

были тёмными, тяжёлыми, как омут, и в них не отражалось ничего человеческого. Взгляд был мёртвым, ровным, холодным, будто сама смерть пришла в зал, чтобы занять своё место. Он подошёл к отцу, достал нож и одним резким, уверенным движением провёл лезвием от уха до уха. Кровь ударила фонтаном, забрызгала стены и пол. Пока Совет задышался от ужаса и шока, Анджело сел в ещё тёплое кресло, вытер руки платком и спокойно сказал:

– Теперь Каморра – это я.

С тех пор прошло два года. И на два года воды Гудзона окрасились в темно-красный. Анджело не просто боролся за власть – он выжигал сопротивление, как хлоркой уничтожают плесень. Попытки стали его искусством. Он не просто убивал – он смотрел человеку в глаза до самой последней секунды, ловил момент, когда свет в зрачках гаснет, будто щёлкнул выключатель. Он вырезал предателей так же, как хирург вырезает опухоль: точно, холодно и без суеты. Империя Ломбарди возродилась на крови и костях – и процветала.

Официально Каморра владела отелями, ресторанами, элитными клубами, транспортом. Но настоящие деньги текли с проституции, торговли живым товаром, продажи оружия и, главное, наркотиков. Город захлестнуло. Никто не смел противостоять молодому наследнику Сальваторе. Потому что каждый знал: если Анджело посмотрел в твою сторону – у тебя есть две ночи. Потом тебя находили в реке с выколотыми глазами... или не находили вообще.

– В ту переломную ночь Марио стоял рядом, – голос Мии стал чуть ниже, – На шаг позади брата. Но по его глазам было видно: он будет рвать глотки голыми руками, если кто-то моргнёт не в ту сторону. Умный до пугающего. Блестящий адвокат днём, и бесстрастный палач ночью. Он всегда говорит спокойно, почти ласково. А потом режет. Так, чтобы не сразу. Марио точно знает, куда ударить, чтобы боль раскрывалась постепенно, как цветок, – и не отпускала.

Я видела, как она смахнула невидимую пылинку с колен – жест, чтобы успокоить дрожь в руках.

Я сжалась, представив их рядом. Два монстра. Один – холодный огонь, второй – обжигающий лёд.

– А младший? – прошептала я.

– Лука. Ему шестнадцать. И он смотрит так, будто знает, как ты умрёшь. Его не учили жалости, его учили видеть слабость и давить на неё. Он хладнокровен и пугающе тих... Он наблюдает, запоминает и... улыбается.

Не как подросток. Не как ребёнок, впервые увидевший кровь и ещё не прочувствовавший, что это. А как сукин сын, которому понравилось.

Говорят, однажды в одном из клубов, где Лука отдыхал с братьями, – среди огней, громкой музыки и дешёвого парфюма – пьяный посетитель схватил танцовщицу за запястье.

Грубый, с хриплым смехом и наглыми пальцами. Девушка дёрнулась, но он только сильнее сжал, потянул к себе, что-то прошипел ей в ухо. Лука увидел. Но никто в зале даже не подумал остановить его, когда он поднялся со своего места. Высокий и мускулистый для своего возраста, чёрная футболка, руки в карманах, походка неторопливая, спокойная. Будто он просто идёт за очередной бутылкой пива.

Но Лука подошёл к столику и посмотрел на мужчину. На его руку, сжимающую запястье девушки. И не произнеся ни слова, схватил его за кисть. А потом начал ломать пальцы. Медленно. Один за другим, с характерным хрустом. Сначала раздался визг, потом мат, после перелома третьего пальца жертва просто умоляла, после четвертого – выла в агонии. Лука не говорил ни слова.

Он просто смотрел в глаза мужчине и продолжал, пока тот не начал захлёбываться в собственном страхе. Когда всё было кончено, подросток просто сел рядом. Положил локти на стол, упёр подбородок в кулаки и стал наблюдать.

Не со злобой, не с яростью. А с холодным, пугающим интересом. Словно перед ним корчился не человек, а подопытный. Будто он хотел понять – в какой момент боль становится абсолютной. И только спустя минуту Лука медленно повернулся к девушке. Скользнул по ней взглядом снизу вверх и улыбнулся.

Тихо. Почти нежно. Больше в этом клубе никто не смел дотронуться до женщин. Никогда.

...А шёпот и слухи после той ночи ещё долго гуляли по залам Вероны: кто-то клялся, что слышал, как суставы хрустели громче музыки, кто-то утверждал, что улыбка младшего из братьев Ломбарди в тот момент была красивее любой молитвы и страшнее любого проклятия. Столик, у которого всё произошло, потом выкинули – в дерево вьелись следы крови и пота, не поддаваясь ни спирту, ни щелоку. Танцовщица уволилась через неделю и исчезла... Говорят, её видели с чемоданом у остановки ночного автобуса.

– А Стефано? – спросила я, не зная, почему произнесла его имя, и замерла в напряжении, испугавшись того, что могу услышать.

Мия выдохнула дым:

– Стефано им не родной по крови, но они сделали его своим братом. Шесть лет назад, Стефано было всего пятнадцать, когда его семью убили. Тогда было беспокойное время, и Нью-Йорк тонул в крови, потому что кланы делили территории. Солдаты клана Ндрангета, заклятые враги Ломбарди в те годы, напали на дом Джулиано Бьянки – старейшего члена Каморры, и вырезали всю семью Стефано: отца, мать и сестру. Их дом стал братской могилой.

Когда Анджело приехал на место – поздно, слишком поздно – он не ожидал, что найдёт выжившего. Но Стефано был там. Раненый, измазанный кровью с головы до ног, с ножом в руке. Стоял среди груды мертвых тел, отбиваясь до послед-

него. Не ради мести. А ради того, чтобы не умереть, не сдать-
ся, не стать никем. Анджело увидел это. Подошёл и протянул
руку. И Стефано – не мальчик, не сирота, но будущий зверь
– принял её. С тех пор он был с ними. Стал их оружием. Их
мечом. Волей Каморры на улицах. Бьянки был на волосок от
гибели, но смог устоять на самом краю – и в ту ночь, среди
трупов и тишины, родилось его новое имя – Бессмертный. С
тех пор его считают крестником самой Смерти, прикоснув-
шимся к её ледяному лику и отвергнувшим её холодный по-
целуй.

Мия умолкла, а я в мыслях все ещё видела сцены этого
ужаса: стены и потолок в кроваво-грязных разводах, мерт-
вые лица людей, которые ещё несколько минут назад смея-
лись, разговаривали и просто жили. И среди всего этого ха-
оса юноша в рваной куртке, окровавленный, отчаявшийся,
но не сломленный. Мальчик яростно, крепко сжимает в руке
нож и бесстрашно смотрит в глаза своим убийцам, он знает,
что умрёт, но не отступает. И когда высокая фигура в чёрном
подходит, протягивая руку, он на мгновение видит не спасе-
ние – ошейник. И всё равно тянется. Не из покорности, из
расчёта. Из холодной, как лёд, ярости: выжить сейчас, чтобы
потом – свершить свою месть.

ГЛАВА 3

Алисия.

«Лучший способ познакомиться с мафией – не пытаться»

Прошло несколько дней, Мия больше не упоминала Ломбарди. Но я – не забыла. Их имена крутились в мыслях и саднили, словно занозы, и на любой звук с улицы я вздрагивала.

Этим вечером «Верона» радовала пустотой. Бар был ещё закрыт, музыка молчала, только дождь за окнами выбивал по стеклу неровный глухой ритм. Воздух пах полировкой, спиртом и грозой. Я стояла за стойкой, протирала бокалы, тонкое стекло скрипело под салфеткой, и этот звук в тишине казался мне слишком громким, почти неприличным.

Дверь открылась бесшумно, будто от сквозняка. Но я почувствовала его раньше, чем услышала шаги. Атмосфера стала густой, как мёд и тяжёлой, как рука, сдавливающая горло.

Он. Стефано.

Мокрые волосы липли к вискам. С белой рубашки капало, и влажные тени проявляли каждую линию мышц. На непроницаемом лице тоже виднелись капли дождя... «Слишком далеко поставил машину?» – вскользь промелькнула глупая мысль. Он приблизился, и его взгляд, глубокий и хищный,

впился в мое лицо, гипнотизируя и завораживая. Я почувствовала, как кровь приливает к щекам, и я становлюсь пунцовою... Черт!

– Тебе что-то нужно? – выдавила я через силу, чувствуя, как кончики пальцев немеют от напряжения.

Он подошёл ближе, медленно словно зверь, растягивающий игру, чтобы добыча успела осознать, что загнана в угол. Его пальцы прошли по дереву стойки – неспешно, с нажимом, оставляя влажный след. В ноздри ударил запах дождя, его кожи и ещё чего-то опасного, запретного и желанного.

– Знаешь, о чём я думаю? – голос у него был хриплый, низкий, он наклонился, и горячая волна тепла от его тела коснулась моей груди. – О том, как я трахаю тебя прямо здесь.

Я моргнула, на мгновение забыв, как дышать. Моё тело предательски вспыхнуло жаром. Колени задрожали. Я сжала бокал так сильно, что он чуть не треснул.

– Я прижимаю тебя к стойке, рву на тебе трусики и вхожу в тебя глубоко, до самого конца, – его слова звучали грязно и пошло, но почему-то я не разозлилась. – Ты сначала дернёшься, попытаешься сказать «нет». Но потом... раздвнешь ноги шире сама.

Моё дыхание снова сбилось. Соски напряглись под тонкой тканью платья, и я знала, что он видит это.

– Ты захочешь этого, – прошептал он, глядя прямо в мои глаза. – Ты будешь стонать, Алисия. Ты будешь царапать ног-

тями стойку, кусать губы до крови, лишь бы не закричать. Но закричишь. Ты сама попросишь, чтобы я продолжал и не останавливался.

Я наконец опомнилась, глубоко вдохнула и... ударила. По лицу. Резко, со всей силы. Его глаза вспыхнули темным льдом, скулы напряглись, но в уголках губ притаилась насмешка. Он навис надо мной.

– Никогда, – прошипел он. – Никогда не поднимай на меня руку. Ни при ком-то, ни наедине. Один раз я позволил этому случиться. Потому что ты – это ты. Но больше не позволю, и тебе лучше запомнить это, Алисия.

Он сделал шаг ближе, и мои ноги дрогнули.

– Второй раз... – его голос стал мягче, опаснее, словно скользил лезвием по коже. – Второй раз ты будешь стоять на коленях. С губами на моём члене.

Он наклонился и его дыхание почти обожгло мою щёку. Его пальцы едва коснулись щеки, а я уже задыхалась.

– Я буду держать тебя за волосы, направлять каждое движение. Медленно, глубоко. Пока ты не начнёшь задыхаться от желания. И ты не поднимешься, пока не выучишь вкус моей власти. Пока не поймёшь, кому принадлежишь. Целиком. До последней капли твоего дыхания.

Он замер на миг – так близко, что мне хотелось потянуться навстречу и убрать это мучительное «почти». Но Стефано уже отстранился резким движением, его лицо снова стало равнодушно-бесстрастным, он развернулся и пошёл к двери,

и исчез так же бесшумно, как и появился.

Дверь мягко щёлкнула. Дождь снаружи свирепо рвал небо на полосы. Я развернулась и в зеркале за стойкой увидела своё отражение: пылающие щёки, приоткрытые губы, сжигающееся горло, в котором застрял то ли крик, то ли стон. Я стояла, вцепившись в дерево, и не чувствовала пальцев. Ткань юбки липла к коже на бёдрах, будто помнила чужие ладони. Между ног было влажно и мучительно пусто.

Я медленно провела кончиками пальцев по щеке там, где только что дразняще легко касались его пальцы, и выдохнула – долго, рвано, сердце наконец перестало отбивать марсельезу.

Стефано ушёл. Но внутри меня всё ещё горел огонь – упрямый, опасный, предательски сладкий. И где-то на самой границе честности, там, где мысли становятся явью, моя уверенность дала трещину. Уже не «нет». И пока ещё не «да». Но уже чертовски близко к моему падению.

ГЛАВА 4

Алисия.

«В обычном Мире смерть далека от повседневной жизни. Но в Мире мафии смерть с рутинной идут рука об руку. И мне кажется, что так правильнее»

Мне снова нужны были деньги. Это всегда начиналось именно так. Не с возвышенных целей, не с мечты о лучшей жизни. Всегда только с одного – тупой, злой необходимости. Она обвивала горло, словно петля, стягивая его до боли. Она тянула ко дну, не давала вздохнуть, пока я не соглашалась на любую подработку, на любые условия, лишь бы на время заглушить этот адский шорох квитанций и счетов, падающих под дверь.

Телефон мигнул сообщением от Мии: «Алисия, подмени меня сегодня в «Орионе». Срочно – вопрос жизни и смерти. Деньги за смену – твои».

Я уставилась на экран. Ни «пожалуйста», ни «извини». Никаких смайликов, ни «спасибо», ни объяснений. Только одно «срочно». Я знала, если Мия пишет так, значит, ей действительно горит. А у меня? У меня горело всё. Я посмотрела на лежащую на столе пачку неоплаченных счетов, на пустой холодильник, и выбора не осталось.

Я натянула чёрное платье, единственное более-менее при-

личное в моем весьма скудном гардеробе, волосы стянула в тугой хвост, сунула в карман блокнот и ручку. И на секунду задержалась перед зеркалом: чужое лицо, слишком бледное, из-за чего глаза казались более яркими и колючими. Я бросила на отражение последний взгляд: «Справишься. Ты всегда справляешься» и вышла в ночь.

Ночной Нью-Йорк встретил меня шумом и огнями. Холодный воздух привычно пах бензином, выхлопами, кофе из круглосуточных ларьков, и подгоревшими хот-догами. Машины гудели, люди торопились, смеялись, спорили. Но «Орион» не был частью этого города. «Орион» был его центром – его чёрным сердцем.

Я увидела клуб издалека. Он был самой ночью Нью-Йорка, сжатой до размеров одного здания и упакованной в стекло, хром и звук. Очередь извивалась, как блестящая змея вдоль входа. Девушки на высоченных шпильках и в платьях, которые едва прикрывали их тела. Мужчины в костюмах, слишком дорогих для этой части города. Повсюду смех, огоньки сигарет и вспышки телефонов. У входа стояли охранники, широкоплечие, угрюмые, с лицами, которые никогда не выражали эмоций. Одно лёгкое движение головы, и человек либо входил, либо оставался на улице, жалкий и проигравший. Я всегда восхищалась этим: власть – в движении подбородка.

Внутри бурлила жизнь. Клуб не просто шумел, он дышал, бился, пульсировал. Свет рвался на части прожектора-

ми, огни множились в зеркалах. Музыка грохотала, проникая через кожу прямо в нервы. Танцпол был живым организмом – десятки тел, сплетающихся, толкающихся, подчиняющихся каждому жесту диджея, который управлял ими, подобно кукловоду. Хостес в серебристых вечерних платьях с глубокими вырезами встречали гостей натянутыми, искусственными улыбками. Бармены двигались так слаженно, будто каждый жест был частью безупречно отрепетированного спектакля: лёд в шейкерах звенел дробью, прозрачные струи алкоголя стекали в бокалы ровными нитями и коктейли курились белым паром, искрились, шипели, словно их поджигали изнутри.

Первые часы я была частью этого хорошо смазанного механизма. Поднос – стол – касса – улыбка. «Ещё два мартини», «лайм отдельно», «без сахара, пожалуйста». Время превратилось в поток из благодарностей, чаевых и взглядов. Те самые взгляды – ленивые, наглые, оценивающие – скользили по мне, но не задерживались – я взяла высокий темп, и это стало моей бронёй. Всё шло ровно, пока в механике ночи не заело шестерёнку.

Чужая незнакомая ладонь. Не прикосновение – капкан, пальцы сомкнулись на моём запястье так, что боль вышла сухим хрустом. Мир сузился до этой хватки, и память, как ржавый гвоздь, вернула меня назад – в вечер после похорон матери. Квартира пахла воском и лилиями, когда пьяный сожитель матери схватил меня и зажал грубой ладонью рот, я

все еще помню его ненавистное дыхание у моего уха: «Не ори. Никто не придёт». Тогда я не смогла справиться с паникой: голос словно исчез, все тело замерло. Белый шум, слепой ужас. И сейчас этот кошмар происходил со мной снова.

– А ну стой, красотка, – баритон у моего плеча был пропитан виски и сигаретным дымом, – даже не взглянешь на меня?

Я повернула голову. Грузный мужчина в дорогом пиджаке, который однако сидел на нём, как чужая кожа. Глаза мутные, наглые и уверенные в своей безнаказанности. Я попыталась вывернуться, но его хватка только усилилась, по руке пошла волна боли.

– У меня есть тихий уголок, – ухмыльнулся он, потащив меня к неприметной служебной двери. – Не волнуйся, заплачу столько, что забудешь, как тебя зовут.

– Пустите, – выдавила я, и в горле от страха заскребло песком.

– Или ты слишком гордая, чтобы обслужить клиента? – он дёрнул ещё раз.

Я рванулась, но бесполезно – его хватка стала просто железной, и он прижал меня к стене. Холод бетона пробирал до костей. Он навалился всем телом, перекрывая свет и воздух. Запах перегара, пота и слишком терпкого одеколona соединились в густой вонючий коктейль. Басы в зале перемалывали любые слова в кашу, и если бы я крикнула – крик утонул бы, словно камень в грязной воде. Я готова была завывать от

ужаса и бессилия. И тут тень у входа в коридор сгустилась, обрела чёткие очертания. Стефано.

Белая рубашка с закатанными рукавами как всегда натянулась на плечах и груди так, что под ней угадывались твёрдые рельефные мышцы. Тёмные волосы гладко убраны назад, мужественное лицо казалось спокойным, но в глазах горела едва сдерживаемая ярость:

– Отпусти её, – его голос был глухим и тихим, но от этого тихого тона внутри всё сжалось.

– Кто ты такой? – мужик рыкнул. – Она со мной!

Стефано спокойно подошёл ближе. Его пальцы резко схватили руку подонка и вывернули. Звук был мерзким – громкий, сухой оглушающий треск. Мой обидчик завизжал и осел на колени, рот раскрылся, но крик вышел рваным.

Правый кулак Стефано описал короткую дугу и врезался в висок, голова незнакомца мотнулась и кровь брызнула на стену. Следующий удар пришёлся точно в челюсть: зубы клацнули, рассыпались белой крошкой и исчезли в густой красной лужице у порога. Он пытался отползти, но Стефано наступил каблуком на его ладонь. И снова я услышала хруст – кости ломались, как сухие ветки. Мужчина взвыл, его кровь смешалась со слюной и слезами.

Стефано опустил колено на его спину. Тот снова закричал, но крик оборвался, когда Стефано надавил сильнее. Из груди несчастного вырвался хрип, как у зверя, которому сло-

мали хребет.

Я видела его лицо – изуродованное, в крови и слезах, с глазами, полными ужаса. И одновременно чувствовала, как во мне растёт что-то дикое, горячее, необузданное. Страх и возбуждение переплелись, словно яд и вино.

Стефано занес кулак снова.

– Стефано! – я закричала, вцепившись в его руку обеими руками. – Хватит! Прошу!

Он не сразу услышал. Наконец его взгляд остановился на мне – ясный, холодный, со стальным блеском. Кулак поднялся... и застыл в воздухе, упершись будто в невидимую стену. Он смотрел мне прямо в глаза, и этой секунды хватило, чтобы ощутить знакомый трепет внутри.

– Он не встанет, – выдохнула я. – Всё. Довольно.

Он замер и опустил занесённую для удара руку.

– Только потому, что ты попросила...

Он подошёл ближе – так близко, что я почувствовала тепло его тела и сухой запах хлопка, смешанный с пряной, тёмной нотой. Его ладонь скользнула к моей талии и остановилась в опасной близости – на расстоянии одного горячего касания. От этого ощущения меня тряхнуло сильнее, чем от прикосновения.

– Этот кусок дерьма хотел тебя купить, – его голос стал грязным шёпотом. – А я хочу тебя взять. Разница в том, что ты хочешь того же, что и я.

– С чего ты взял? – мой шёпот сорвался на злость и дрожь.

– По твоему дыханию, – едва заметная тень улыбки. – По тому, как держишь меня... и не отталкиваешь.

Стефано говорил и словно рисовал по моей коже словами: *«лицом к стене, положи ладони на стену, только попроси – и я трахну тебя здесь и сейчас...»* От этих фраз жар поднялся от живота к горлу, стыд и желание слились в безжалостном поединке. Как же меня бесило, что тело сдаётся быстрее разума.

– Ты больной, – прошипела я. – Мудак.

– И тот, кто остановился, когда ты сказала, – он наклонился так близко, что я почувствовала его дыхание у своего уха. Не поцеловал, даже не коснулся. – Просто скажи «нет», и я исчезну...

– Спасибо, – сказала я вместо «нет» и захотела прикусить язык.

– Алисия, – сухая нота разрежала воздух в коридоре. Я обернулась. Джей, управляющий «Ориона», уже стоял у входа, словно вырос из ниоткуда. Идеально сидящий на нем костюм, приглаженные волосы, галстук тугой, как петля, безупречно отглаженная рубашка. Взгляд мельком зацепился за меня, скользнул по фигуре Стефано и задержался. Полсекунды молчаливого обмена взглядами и Джей едва заметно кивнул. Двое охранников материализовались из тени, подхватили несчастного едва живого ублюдка, и потащили, оставляя красные пятна. Я хмыкнула – в «Орионе» не любили шумных происшествий.

– Я не могу уйти, – выпалила я раньше, чем Джей раскрыл рот. – Я подменяю Мию. Если уйду, ей не заплатят.

Управляющий посмотрел на Стефано. Тот молчал. Но его молчание говорило яснее слов. Джей едва заметно скривил губы.

– Оплатят. Вам обеим. На сегодня ты свободна, Алисия.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Стефано качнул головой в сторону выхода. И я пошла. Не потому, что приказали – потому что я *хотела* уйти с ним.

У тротуара ждал чёрный внедорожник – высокая посадка, широкие колёса и благородно-матовый блеск металла. Стефано открыл передо мной дверь.

– Садись, – бросил отрывисто.

В салоне приятно пахло кожей и чем-то ещё, невыразимо притягательным, и в этом аромате было всё: соль кожи, горечь табака и острая нотка чёрного перца. Автомобиль мягко тронулся, почти сразу влившись в поток машин, и город, отфильтрованный фарами, поплыл мимо. Я сложила руки на коленях, от волнения сжав кулаки так, что костяшки побелели. Потом поймала себя на том, что провела языком по сухим губам, и разозлилась на этот бессознательный жест. Все это время Стефано молчал. Но даже его молчание было чистым электричеством – мне казалось, еще секунда – и я вспыхну от напряжения.

– Какого чёрта ты делала в «Орионе»? – спросил он наконец, не повышая голоса, но в нем явно слышалась сталь.

– Подменяла Мию, – ответила я, стараясь не дрогнуть. – Она попросила. Ей нужна была помощь. И я... хотела помочь подруге.

Он кивнул.

– Больше – нет. Я предупрежу Джея. Он не будет ставить тебя на подмену. Ни ночью, ни днём. Ни при каких обстоятельствах.

– Ты не можешь так решить, – я резко повернулась к нему. – Ты не должен и не имеешь права указывать, где мне работать и что делать!

– Я могу, – произнёс он спокойно, без тени сомнения, – И сделаю.

Возмущение вскипело – горячее, обидное. И что бесило сильнее, где-то под ним, глубоко в душе развернулось предательское чувство облегчения, как будто с плеч сняли невидимую тяжесть. Я насупилась и замолчала, глядя прямо перед собой, чтобы не увидеть этого облегчения в собственных глазах.

Чем ближе мы подъезжали к моему району, тем более затхлым становился воздух. Здесь город пах по-другому: прокисшим пивом, сыростью бетона, мусором, мочой и табачком. Облупившиеся дома с грязными разводами на стенах, ржавые перила, окна, заклеенные плёнкой. Тут и там красовались полустёртые граффити с фамилиями, перечёркнутые сердечки, обрывки объявлений. На углу, прямо под мерцающим фонарём, женщины в коротких куртках и слишком

тонких колготках ловили фары проезжавших авто, но их зазывные улыбки были слишком уставшими. В проёме двери неподалёку кто-то торчал, привалившись затылком к стене, глаза закрыты и убаюканы химическим морем. На детской площадке без качелей трое подростков сидели на перевернутых ящиках, передавая по кругу бутылку с непонятным содержимым, один из парней всё время чесал шею, другой мерил взглядом каждую проезжающую машину, а третий улыбался пустоте невидящими глазами. Я смотрела на всё это и вдруг ощутила, как сильно мир Стефано отличается от моего. Его машина, его сила, его уверенность против моей реальности, пахнувшей отчаянием и бедностью.

– Такая девушка, как ты, не должна ночами возвращаться сюда одна, – спокойно сказал он, не отрывая взгляда от дороги.

– Такие, как я, не выбирают, – так же спокойно ответила я. – Для нас деньги не пахнут безопасностью.

Стефано повернул голову на секунду. Взгляд не был мягким, он был внимательным и твердым, как у человека, который уже принял решение и только выбирает момент, чтобы его озвучить.

– Ты слишком беспечна, – добавил он, будто ставил диагноз. – В следующий раз я могу не успеть. Или меня вообще не будет рядом.

– Ты не обязан меня защищать, – слова показались более

резкими, чем я рассчитывала. – Мы никто друг другу.

Он выдохнул – коротко, тяжело, и я почувствовала, как кожа на моих руках покрылась мурашками ещё до того, как он произнес:

– Если кто-то тронет то, что принадлежит мне, – голос стал низким и хриплым, – я сломаю ему всё, что можно сломать, и заставлю молить о смерти. И мне плевать, что ты об этом думаешь.

Слова Стефано вошли под кожу, словно горячие иглы. От них хотелось убежать в страхе – и одновременно прижаться. Стыдно. Сладко. И слишком по-настоящему.

Мы остановились у моего дома. Единственный фонарь тускло мигал, освещая лишь крохотный пяточок темного тротуара. Двигатель внедорожника урчал, как затаившийся зверь в темноте. Я взялась за ручку двери и задержалась на секунду. Не потому, что ждала от него чего-то. А потому что знала: он останется, пока я не исчезну в тени.

– Спокойной ночи, Алисия, – тихо сказал он.

– И тебе, – выдохнула я.

Дома было слишком тихо, и тишина липла, как целлофан. Я бросила сумку на стул, стянула туфли и прошла на кухню, не включая верхний свет. Я сделала сэндвич с огурцом, откусила. Жевала, не чувствуя вкуса и запивая ледяной водой из-под крана – стакан, второй, третий, но жар внутри так никуда и не исчезал...

Тогда я легла и попыталась уснуть. Долго и безуспешно

ворочалась, считала вдохи, как советуют бессмысленные статьи в женских журналах. Закрывала глаза – и видела его. Я пыталась повторять: «Держись подальше», но внутри меня всё горело. Непрошенные фантазии сами вспыхивали в моем растревоженном сознании: его ладони на моей коже, его голос приказывает, он входит медленно, глубоко, не оставляя воздуха. Я выгибаюсь, сжимаю простыню, прошу ещё.

Я не представляю его наготы в деталях, мне хватает белой рубашки, натянутой на плечах, и закатанных рукавов, под которые так и хочется засунуть ладони. Мне хватает его запаха – тёплого, терпкого, с ноткой дыма и железа.

«Нужно держаться подальше», – повторяю я снова. Нужно. Нужно. Но с каждой минутой «нужно» растворялось в «хочу». И чем сильнее я противилась, тем отчётливее слышала низкий, уверенный шёпот в своей голове: *“Никто не трогает моё.”*

Сон не пришёл. Его сменил серый рассвет, сделав комнату плоской и бледной. И вместе с ним родилась и окрепла тихая, безнадежная мысль: я уже почти сдалась. Осталось выбрать момент, когда признаюсь в этом вслух, или когда он вырвет признание горячим дыханием у моей шеи.

ГЛАВА 5

Стефано.

«Ты можешь делать что угодно, но никогда не иди против семьи»

Я разнёс его лицо, потому что знал, что он хотел сделать.

Его рука лежала на её талии слишком уверенно, слишком жёстко, с привычной наглостью человека, который уже сотни раз делал одно и то же. Он вёл Алисию в сторону коридора, туда, где не было камер и посторонних глаз, только тусклый свет мигающей лампы и холод бетонных стен.

Я понял всё уже по тому, как он спешил и суетился. Этот ублюдок уже видел её в темноте, покорную, прижатую к стене. Уже примерял её под себя.

Если бы я задержался хоть на минуту...

Я нашёл бы Алисию заплаканной, сломленной, с разорванным платьем и разбитым голосом. И когда он закричал от боли, я слышал не его голос, а её.

Не его хрип и стоны – её крик. В моей голове он рвался наружу: жалобный, отчаянный, захлёбывающийся.

Если бы я пришёл позже... он бы сорвал с Алисии платье.

Закрыв ей рот, сломал её. Он сделал бы это в темноте, грубо и жадно, как делают все те, кто не знает слова «нет». Урод заставил бы её забыть, что такое воздух, что такое свобода. Он забрал бы её смех – и оставил тишину. Вот почему я не остановился, пока его пальцы не хрустнули, ломаясь в моих руках, и пока его лицо не стало кровавым месивом. Вот почему я хотел, чтобы он понял, что значит прикасаться к тому, что тебе не принадлежит.

Мы ехали молча. На улицах Нью-Йорка уже начиналась ночь.

Свет витрин, пар над асфальтом, жёлтые такси и блеск мокрого камня. Всё казалось притихшим, даже гудки были глухими.

Алисия сидела рядом, чуть повернувшись к окну. Я ловил её профиль, который свет фонарей вырезал из темноты: прямой нос, упрямый подбородок, губы, прикушенные так, словно она боялась произнести то, что вертелось на языке. Я смотрел на отражение в стекле и ловил себя на том, что хочу, чтобы Алисия всё же заговорила.

Её волосы – длинные, тяжёлые, с медными искрами в рыжеватых прядях, – падали ей на плечи. При каждом проезде под фонарём они вспыхивали огнем, и мне хотелось наматывать их на руку, заставив её запрокинуть голову назад.

Её фигура казалась хрупкой, но эта хрупкость была об-

манчива: линии бёдер, тонкая талия, грудь, идеальная форма которой угадывалась под платьем – всё в ней было создано для того, чтобы заставляя мужчин терять разум. Даже её дыхание, лёгкое и размеренное, было таким, что от него хотелось забыть обо всем.

И эти глаза...

Я знал их цвет уже наизусть. Ореховые с золотом, тёплые, дерзкие и насмешливые. Такими глазами не смотрят официантки в Нью-Йорке. Такими не смотрят девчонки, которые продают себя дороже, чем стоит их жизнь. Она была другой. Живой. Настоящей. Слишком много женщины – и слишком мало страха. И именно это бесило сильнее всего. Она не боялась. Ни меня, ни этого города. Ни той грязи, которую он прятал под яркими огнями.

– Ты часто возвращаешься домой одна? – спросил я, не отрывая глаз от дороги.

Она повернула ко мне голову. Её глаза сузились, в них сверкнул вызов.

– А если да? – её голос был спокойным, но в нём слышалась насмешка.

– Тогда я удивляюсь, как тебя до сих пор никто не сожрал, – сказал я, глядя в темноту. – Хотя... может, это ты умеешь кусаться?

На её губах дрогнула улыбка.

– А ты боишься женщин, которые могут укусить?
Я медленно качнул головой.

– Я не боюсь женщин. Особенно таких, как ты.

Район, где жила Алисия, пах сыростью и гнилью. Здесь город будто забывал о своём блеске. В этом месте не было ни витрин, ни дорогих машин. Только облезшие стены, запах мусора, старого масла, и фонари, свет которых дрожал, словно неровное дыхание смертельно больного. Время здесь не шло – оно застряло. Застыло в трещинах асфальта и темных подвалах.

Дом, у которого я остановился, выглядел так, будто любое дуновение ветра могло сложить его в груды кирпичей. Дверь держалась на ржавых петлях, ступеньки были потрескавшись, и лишь из окна второго этажа пробивался жёлтый свет.

Я заглушил двигатель.

– Ты дошла бы и сама, – сказал я, не глядя на неё. – Но теперь ты не будешь.

Она молчала. Но я чувствовал её взгляд. Он жёг кожу, словно пальцы касались меня.

– Спасибо, – сказала Алисия тихо и вышла, не оглядываясь.

Я смотрел, как её силуэт исчезает за углом, но не двинулся с места. Потому что если бы двинулся – пошёл бы за ней.

А тогда всё изменилось бы...

Особняк Ломбарди.

Особняк Ломбарди стоял на холме, отрезанный от остального города высоким забором и мёртвой тишиной.

От кованых ворот начинался ухоженный сад с хвойными кустами и ровными дорожками, как в европейских усадьбах. Изящные статуи, фонари на кованых столбах, чёрные машины под навесом. В глубине сада виднелся бассейн, подсвеченный мягким голубым светом, вдоль него расположились лежаки, кое-где валялись брошенные и забытые полотенца.

Сам дом – массивный, с колоннами и окнами с широкими ставнями, которые не пропускали внутрь чужие взгляды. В свете ночи камень фасада казался тёплым, почти живым. Я проехал через мощные ворота по подъездной дорожке прямо к дому. На крыльце курил один из охранников, я кивнул ему и он открыл дверь. Внутри пахло кожей, дорогим вином и оружейной смазкой. Общая комната – просторная, с низким светом, мягкими креслами и большим телевизором. И трое мужчин, из-за которых Нью-Йорк дышит осторожнее.

Лука в свободных спортивных штанах, с банкой пива, сидел на полу, не отрываясь от старого боевика. На экране гре-

мели взрывы. Марио, несмотря на поздний час все еще в строгом костюме, сидел у камина, держа планшет в одной руке и кусок пиццы с анчоусами в другой. Анджело развалился в кресле – тёмная рубашка без галстука с расстегнутым воротом, черные джинсы. На столике – стакан бурбона, но он не пил. Его взгляд был направлен на экран, но я знал: он видит и слышит всё. Опасность и жестокость исходила от него, словно от затвора, готового щёлкнуть. Он был не просто очередным доном. Он был сердцем Каморры.

Я сел в мягкое кресло. Взял бокал, плеснул виски и откинулся на спинку.

– Как дела? – спросил Анджело буднично, не поворачивая головы.

– Должник в Бруклине, Джерри Каппа. Мы предупреждали его дважды. Сегодня я пришёл с Нико.

– И?..

Я помнил этот визит.

Квартира прокурена. Воздух – мокрый, тяжёлый. Всюду тарелки с остатками прокисшей еды, шприцы в мусоре. Джерри открыл дверь в грязной майке. Лицо опухшее, руки дрожали, глаза бегали между мной и Нико, как у пойманной крысы.

– Ты должен тридцать тысяч, – сказал я. – Если не вернёшь до утра понедельника – я начну с твоих пальцев. За-

кончу дочкой.

Он начал ныть. Умолять. Говорил, что на руках старая мать, что сын в больнице. И надрывно, мерзко разрыдался. Я помнил, как Джерри обоссался от страха, как моча стекала по его штанам, оставляя следы на полу. Запах ударил в нос. Мы с Нико ушли, не оглядываясь...

– Заплакал, обоссался. Пообещал достать деньги, – бросил я.

– Ты поверил? – Анджело прищурился.

– Нет. Но он побежит. Или за деньгами. Или за гробом.

Анджело кивнул.

Марио молча отложил планшет, наблюдая за мной. Лука зевнул, но не сделал ни одного движения. Пауза затянулась.

Наконец Анджело заговорил снова. Спокойно, почти лениво:

– Я слышал, ты сегодня разбил лицо какому-то ублюдку.

Я напрягся. Сделал глоток виски.

– Он сам нарвался, – сказал я. – Пытался залезть под юбку одной из наших официанток. Решил, что ему можно, и затащил ее в коридор, в уголок потемнее...

Я не назвал имени. Не дал ни тени намёка. Хотел, чтобы это выглядело как нечто, что не стоит внимания, просто работа. Но Анджело не был бы Анджело, если бы так легко купился. Он повернул голову.

– Алисию? – спросил он.

Я молчал.

– Значит ли она для тебя что-то большее, чем остальные, с кем ты трахаешься? Или ты стал сентиментален?

Я ничего не ответил сразу. Почувствовал, как в груди разливается глухой гнев. Тяжелый и кипящий. Она не шлюха.

Я стиснул зубы, надеясь, что смог сохранить на лице равнодушие:

– Просто не люблю, когда кто-то пытается взять то, что мне интересно, – выдавил я. – Я просто... не закончил с ней. Хотел развлечься...

Я не хотел думать, насколько мои слова соответствовали истине. Но в любом случае, беспокоиться не о чем. Каморра – всегда была и остаётся на первом месте. Алисия? Она – тело, чертовски соблазнительное тело. Глаза. Улыбка.

Но она не встанет между мной и делом. Никогда.

Анджело продолжал смотреть. Несколько долгих секунд. Потом криво усмехнулся.

– Развлекись, – сказал он, снова повернув голову к экрану.

Марио взглянул на меня поверх планшета, задумчиво и как всегда оценивающе.

Лука хмыкнул, уставившись в экран, как будто вообще не слышал ни слова. Но пиво он не пил уже минуту.

Я снова сделал глоток из стакана, пытаюсь собрать свои гребанные мысли в кучу. И блядь, я всё ещё думал о ней.

Пентхаус Стефано.

Я стоял у окна, глядя на город, как будто там мог найти ответ на вопрос, откуда, чёрт побери, в ней столько власти надо мной.

Я чувствовал запах её кожи и волос, даже когда её не было рядом. Едва уловимый нежный аромат— то ли грушевый шампунь, то ли цветочный крем. Я слышал её голос – чуть хрипловатый, с ноткой вызова в нём, будто она знала, что может дразнить меня, и не бояться последствий.

Я был на пределе. Член ныл. Я представлял Алисию подо мной. Представлял, как мои руки держат её бёдра, как она выгибается, когда я вбиваюсь в её сексуальное тело до конца. Я видел её красивое лицо – сначала дерзкое, потом покорное, широко открытые глаза, нежные губы, кричащие моё имя. Блядь! Я сжал бокал так, что стекло треснуло. Вышел из дома, спустился и сел в машину.

У дома Алисии.

Ночь сегодня была глухой, вязкой и душной. Я сидел в машине у её дома, заглушив двигатель, а тишина будто давила на уши.

Я курил и представлял, что будет, если я все же выйду. Если я открою дверь, поднимусь по скрипучей лестнице и ворвусь в её комнату. Прижму Алисию к стене, не оставляя ей ни секунды на то, чтобы спросить «зачем».

Я буквально видел, как срываю с неё платье. Тонкая ткань рвётся в моих руках, падает к её ногам, и она остаётся в одном белье – тонкое кружево, которое я бы тут же разорвал зубами. Я прижимаю Алисию к холодной стене, мои ладони держат её бёдра, поднимают, заставляют её обхватить меня ногами. Я чувствую её тепло, её жар сквозь тонкую ткань трусиков.

Запах её кожи – сладкий, женский, тёплый – бьёт в голову. Её дыхание – учащённое, неровное, словно она уже знает, чем это кончится.

Я хочу опуститься на колени перед ней, раздвинуть её бёдра и зарыться лицом между ними. Хочу сжать её ягодицы, сорвать с неё кружево и провести языком по её киске. Медленно, мучительно, пока она не застонет. Хочу почувствовать, как она моментально становится мокрой от одного моего прикосновения.

Я представляю, как её киска пульсирует у меня на языке. Как я вхожу в неё языком глубже, шире, пока она не выгибается, пока её ногти не царапают мои плечи. Я трахал бы её языком, снова и снова, пока она не начала бы извиваться, умоляя дать ей больше.

Я хочу вкусить её всю. Этот вкус – терпкий, солоновато-сладкий, пьянящий, как наркотик. Я хочу пить её, пока она не потеряется в экстазе, теряя контроль, дрожа всем телом.

А потом – я бы встал, прижал бы её крепче, раздвинул

сильнее. И вогнал себя в неё – сразу, резко, до самого конца.

Я представляю, как её киска сжимает меня, как она кричит, задыхаясь, выгибается от боли и наслаждения. Я бы трахал Алисию жёстко, глубоко, каждым толчком забирая её дыхание.

Я держал бы её руки над головой, чтобы она не могла пошевелиться, чтобы была полностью моей. Я хотел бы видеть её лицо: глаза с поволокой, нежные приоткрытые губы, слышать ее тихие вздохи и стоны. Я хотел заставить её кричать моё имя, пока она кончает на моём члене, извиваясь в оргазме.

Но я не остановился бы. Я продолжал бы вбиваться в неё, слушая ее мольбы, пока её тело не стало бы слишком чувствительным, а я всё равно трахал бы её безжалостно, снова и снова.

Я представляю, как взрываюсь глубоко внутри, оставляя в ней свою метку. Чтобы каждый раз, когда она закрывает глаза, она чувствовала меня внутри.

Мои руки сжались на руле так сильно, что побелели костяшки пальцев. Проклятая девчонка. Какого хрена она со мной делает? Я не вышел, уехал. Но жажда осталась. И теперь она горела во мне, как огонь, который нельзя потушить.

ГЛАВА 6

Стефано.

«Самый опасный враг – это женщина, которая знает свою силу»

Я стоял у “Вероны”, прислонившись к капоту, и чувствовал, как холодный металл Кадиллака отдаёт в спину. Сигарета тлела между пальцев, оставляя в воздухе густую полоску дыма, которая медленно растворялась в осеннем воздухе. Город пах привычной смесью – горячим асфальтом после долгого дня, выхлопами, чужими жизнями, что проходили мимо меня и не имели ко мне никакого отношения. Люди спешили по своим делам, смеясь, ругаясь, болтая по телефону. Никто не смотрел в мою сторону. Никто не обращал внимания на фигуру в тени. И это было правильно. Я ждал.

Время тянулось вязко, словно густой мёд, пока я проживал каждую секунду этого ожидания. Сигарета догорела до фильтра, я затянулся в последний раз, и горечь табака пронзила горло.

Когда она вышла, я выпрямился и почувствовал, как мой член дернулся в джинсах. Блядь.

Простое чёрное платье.

Не короткое, не вызывающее. Но на ней оно смотрелось убийственно. Ткань мягко обтекала её тело, подчёркивала

каждый соблазнительный изгиб ее тела. И эти ноги... Эти головокружительно длинные точеные ноги, от которых я не мог оторвать взгляд.

Сегодня Алисия была без куртки, одета слишком легко, будто знала, что я все равно буду ждать ее вечером у клуба. Я смотрел, как она идет. Кожа светлая, гладкая, почти светящаяся в тусклых фонарях. Шея – изящная, хрупкая, будто стоит только дотронуться, и я оставлю там след от зубов. А бедра... от них хотелось потерять контроль, схватить её прямо здесь, прижать к машине и заставить стонать, пока город вокруг продолжал бы жить, не замечая ничего.

Моя челюсть сжалась. Я выкинул окурок и раздавил его каблуком, внутри меня полыхало пламя куда сильнее, чем в этой маленькой тлеющей точке.

Я не сказал ни слова, просто открыл перед ней дверь машины. Она колебалась всего секунду – короткий вдох, взгляд на меня снизу вверх, словно она проверяла, насколько далеко готова зайти. И села. Мы ехали молча. Только тишина и этот её уже знакомый запах, от чего у меня внутри напряглось всё до боли. Город плыл за окном, а внутри меня нарастало знакомое, дикое и тёмное ощущение. Жажда. Её запах бил в нос, как дорогой алкоголь, вызывал зависимость. Я слишком много думал о ней. Я слишком её хотел. И мне не нравилось то, что я чувствовал, с этим давно пора было закончить.

На окраине я свернул в старую аллею, где ветви деревьев

сплетались над дорогой, будто образовывали свод из тёмного стекла. Фары выхватывали из темноты обломки асфальта, мокрые пятна на нем и редкие кусты, растущие у самого бордюра. Всё вокруг выглядело заброшенным – забытая часть города, которую обходили стороной. За этой аллеей начинались складские зоны, холмы, где по утрам низко стелился туман, скрывая ржавые ангары. Сейчас же всё казалось мёртвым, почти стёртым в забвении.

Единственный фонарь, мигающий где-то в глубине, рассеивал слабое жёлтое пятно света на влажный асфальт. Вдали, за линией деревьев, тянулся город – пульсирующая артерия огней и звуков. Там кипела жизнь. Здесь – звенящая тишина и безжизненная пустота.

Я заглушил двигатель, и тишина стала почти осязаемой. Вышел из машины, медленно обошёл капот. Влажный воздух касался кожи, пах железом и листвой.

Я открыл дверь с её стороны.

Алисия подняла на меня глаза. Снизу вверх. Её зрачки блестели в тусклом свете, и в них не было паники. Лишь настороженность и легкое напряжение. Но не страх. Никогда не страх. Это было то, что всегда заводило меня сильнее всего.

Я протянул к ней руку и слегка провел пальцами по щеке, спустившись вниз, к нежной шее.

Она не отпрянула. Не откинула голову назад, не удивилась. Её тело чуть дрогнуло, как у дикого животного, готового сорваться с места в любую секунду, но она осталась си-

деть. Её дыхание участилось, и я слышал его – короткие, тихие вдохи, словно музыка, сбивающая ритм моего собственного сердца.

Моя ладонь легла на край сиденья, совсем рядом с её бедром. Я чувствовал тепло её кожи даже через ткань платья. Пальцы были опасно близко – стоило мне сдвинуть их на пару сантиметров, и я коснулся бы её.

Она смотрела на меня, не мигая. В её взгляде было столько вызова, что мне захотелось ухмыльнуться. Но я не позволил себе. Вместо этого я придвинулся ещё ближе, снова ощущая её запах – свежий, чуть сладкий, но с едва уловимой нотой чего-то дикого. Алисия не отстранилась и сейчас.

И в этот момент я понял – она играла со мной в эту игру так же, как я играл с ней.

Я рывком вытащил Алисию из машины и прижал к капоту. Холодный металл обжег её спину, и она вздрогнула от неожиданности, но я не дал ей больше ни секунды. Мои губы накрыли её – жёстко, требовательно. Это был уже даже не поцелуй, это было вторжение, жадное и хищное. Я врывался в её рот языком, прикусывал её губы и заставлял дышать только мной, я видел, как она ломается, сдаётся и отвечает с той же горячей жаждой. Её тело дрожало, но не от страха. Она хотела этого так же, как и я.

Я отпустил её запястья, но лишь за тем, чтобы обвить талию, я провел ладонями вверх, и наконец коснулся ее груди.

Она была совершенна. Тугие округлости, полные, тугие,

идеально умещались в ладонях. Я сжал сильнее, и её соски моментально откликнулись, через ткань я чувствовал, как они твердеют, становятся острыми, неприлично чуткими.

Платье мешало, я зацепил ткань пальцами и рванул вверх, обнажая грудь полностью. Она открылась передо мной, безупречная, высокая, упругая, соски – маленькие, идеальной формы, розовые, затвердевшие от холода и возбуждения.

Я наклонился и втянул один в рот, облизал, прикусил, заставив Алисию вскрикнуть. Второй я сжал пальцами, щёлкнул по нему большим пальцем, и её тело выгнулось, как от удара током.

– Стефано... – её голос сорвался, но в нём не было настоящего «нет». В нём были только мольба и желание.

– Замолчи, – прорычал я, снова впиваясь в её грудь. Я жадно целовал её соски, оставляя мокрые следы, и она уже не сдерживала тихие стоны, они срывались с её губ, смешиваясь с её сбивчивым дыханием.

Моя рука скользнула ниже, по её животу, и пробралась под платье. Я чувствовал её жар. Когда мои пальцы добрались до её трусиков, я замер на миг. Ткань была насквозь мокрая.

– Чёрт... – я прошептал это прямо ей в ухо, прижимая сильнее. – Ты вся горишь, крошка.

Она всхлипнула, пытаясь прижать бёдра ближе к моей руке. Я скользнул пальцами внутрь – под мокрую ткань, в са-

мую глубину её тепла. Она была влажной, горячей, неприлично готовой для меня.

Я провёл пальцем вдоль её складок, медленно, мучительно дразня. Она выгнулась, уткнулась лицом в моё плечо, стояла, сжимая мою рубашку.

– Я... – её голос был тонким, дрожащим. – Я никогда...

Я замер. Пальцы ещё чувствовали её соки, её жар.

– Ты... девственница? – хрипло спросил я, глядя прямо в её глаза.

Она отвернулась, ресницы дрожали. И всё же кивнула.

Я зарычал. Это меняло всё.

И я... улыбнулся. Внутри. Глухо, зло, по-звериному.

Чувство собственности обожгло меня изнутри, сделало жёстче, злее, голоднее.

Никто её не трогал. Никто не держал её так, прижав спиной к холодному капоту. Никто не видел эту обнажённую грудь, такую чертовски идеальную, никто не слышал её стонов – влажных, надорванных, срывающихся из самой глубины горла, даже когда она пыталась их задавить. Никто до меня не чувствовал, как её киска пульсирует под пальцами, как она течёт, горячая, нетерпеливая, готовая.

– Значит, я буду первым, – прошипел я ей в ухо, прикусывая мочку так, что она вздрогнула, и в этот же миг мой большой палец вдавился в её клитор.

Гибкое тело выгнулось дугой, она прижалась ко мне так,

что её грудь полностью прижалась к моей. Её вдох был влажным, сладким, отчаянным, и этот звук ударил мне прямо в пах, делая меня каменным.

Я снова накрыл её рот требовательным поцелуем. Она отвечала, уже не сдерживаясь, становясь смелее, ногти царапали мои плечи, бедра извивались, подстраиваясь под ритм моих движений.

Мои пальцы скользили, лаская ее все бесстыднее. Я массируя крохотный клитор и чувствовал, как он набухает, становится твёрдым и чувствительным, от чего её тело дрожит при малейшем касании. Ее возбуждение стекало по моим пальцам, они скользили легко, будто её киска сама просила, чтобы я вошел.

И я хотел этого. Хотел невыносимо, до одержимости. Я хотел проникнуть пальцем внутрь её узкой, девственной плоти, почувствовать, как она обхватывает меня, как её тугая нетронутая киска сжимается, как дрожит от первого проникновения.

Я прижал Алисию к капоту, раздвинул её ноги коленом шире и двинулся ниже. Мой палец нашёл её вход – тёплый, влажный, трепещущий. Я медленно провёл по нему, дразня, ощущая, как её тело вибрирует в ответ.

– О, да, – выдохнул я ей в губы, – ты готова.

Я надавил сильнее. Её вход раскрылся под моим пальцем. Она застонала громко, мучительно, дернулась всем телом. Я чувствовал её – горячую, ждущую, сжимающую меня

так, словно её тело боялось впустить, но всё равно втягивало внутрь.

– Чёрт, малышка, – я зарычал, – ты такая жадная...

Я продвинулся глубже, медленно, миллиметр за миллиметром, ощущая, как её киска сопротивляется и одновременно тянется ко мне. Внутри было влажно и горячо, но плотно, так плотно, что я едва мог протолкнуться. Она задыхалась, её стоны становились прерывистыми, почти плачущими, но тело само двигалось навстречу, прижималось ко мне, требовало большего.

Я почти вытянул палец наружу и снова вошёл, чуть глубже, чувствуя, как её мышцы сжимаются, дрожат, пытаются удержать меня. Она стонала уже без остановки, каждый её вдох был наполнен смесью боли, шока и сладкого удовольствия.

– Так, – я прошептал, целуя её шею, – вот так. Ты почувствуешь меня. Внутри. Полностью.

Я начал двигать пальцем медленно, но настойчиво, входя и выходя, скользя по её влажной плоти. Её тело подчинялось мне, становилось мягче, податливее, она терялась в своих ощущениях.

Я чувствовал, как её плоть учится принимать меня. И я знал – скоро она примет всё.

И вдруг я ослеп.

Резкий свет автомобильных фар больно ударил по глазам, разорвал темноту аллеи, обнаружив нас – Алисию, прижав-

шуюся ко мне, с платьем, спущенным на груди и раздвинутыми ногами, и меня, с рукой, всё ещё скользящей между её бёдер.

– Блядь! – рык вырвался из моей груди. Я резко развернулся, заслоня Алисию собой, прикрывая от чужого взгляда, от любого, кто осмелился бы увидеть её такой. Моя. Только моя.

Она инстинктивно вскрикнула и торопливо схватилась за платье. Пальцы дрожали, она нервно поправляла ткань, застегивая платье на груди, стягивая подол вниз. В её глазах мелькнули растерянность и стыд.

И этого оказалось достаточно, чтобы она смущенно отстранилась. Чтобы её ладони, секунду назад рвущие мою рубашку, толкнули меня прочь.

– Я... не могу, – её голос был тихим, хриплым, но твёрдым. Она смотрела на меня снизу вверх, ресницы дрожали, щёки горели, глаза блестели от возбуждения и страха одновременно. – Прости...

Я вцепился пальцами в край капота так сильно, что еще немного, и я сломал бы себе пальцы. Челюсть свело. Внутри всё рвалось наружу – ярость, похоть, желание сорвать с неё платье и трахнуть прямо здесь, несмотря ни на что.

– Почему? – прошипел я, глядя прямо в её глаза. – Блядь, Алисия... Ты убиваешь меня.

Она сжала губы, глубоко вдохнула, и её слова разделили нас, словно приговор:

– Потому что я боюсь... Тебя. И себя. Того, что я чувствую к тебе... И того, что будет со мной, когда я позволю тебе взять меня...

Алисия стояла напротив, дрожа, с горящими щеками и влажными губами, всё ещё припухшими от моих поцелуев. Она была одновременно дерзкой и уязвимой, готовой и испуганной, и от этого я сходил с ума.

Я смотрел на неё – желанную до боли, настоящую до жестокости. И злость разрывала меня. На себя, что упустил момент. На неё, что оттолкнула. На весь этот гребаный мир, который вмешался именно тогда, когда я был в шаге от того, чтобы лишиться её невинности и сделать эту женщину своей.

Но я не сказал больше ни слова, просто открыл дверцу. Дождался, пока она сядет в машину и, сжимая руль так, что сводило ладони, отвёз Алисию домой.

Пентхаус Стефано.

Я снова стоял у панорамного окна своего пентхауса – крепости из стекла, стали и бетона.

Высоко над городом. Выше шума, выше грязи, выше миллионов жизней, мельтешащих там, внизу. Манхэттен лежал у моих ног. Огни проспектов тянулись светящимися шрамами, словно вены на живом теле. Машины ползли по ним – крошечные, незначительные, как капли крови. Высотные башни отражали ночь, клонировали её, множили до беско-

нечности.

Но я ничего этого не видел и не слышал. Мир был пуст сейчас. Я снова и снова возвращался в ту аллею, где Алисия дрожала в моих руках. Вспоминал, как ткань платья сдавалась и скользнула с её бедер, открывая гладкую кожу. Как её соски напрягались под моими губами, становясь твёрдыми и чувствительными. Как её грудь выгибалась навстречу, требуя большего.

Я слышал её стоны – влажные, прерывистые и такие настоящие, что от них кровь закипала. Я помнил её дыхание на своей коже – горячее, с привкусом страха и желания одновременно. Я помнил её пьянящий вкус. Её горячее возбуждение, стекающее по моим пальцам, когда я касался её там, где никто до меня не касался.

Никто не видел ее такой. Никто не заставлял её стонать, извиваться, сжиматься в сладком отчаянии. Никто не чувствовал, как её тело пульсирует, готовое покориться и отдаться. Никто. Только я. И всё же я отпустил её. Сегодня. Но я знал – это не конец. Блядь. Я знал женщин. Знал их тела, их желания, их игры. Я знал, какие слова ломают, какие движения делают их слабыми, как быстро они открываются, стоит только надавить в нужное место.

Но Алисия... она была другой. Она была огнём под кожей. Непокорным пламенем, которое невозможно погасить, которое можно только взять в ладони и обжечься. Она была самым желанным трофеем – юной, невинной, но с остры-

ми коготками, она вела игру, даже когда трепетала. Она была тем самым запретным плодом, сладость которого пьянит сильнее любого вина.

Я злился. На неё. На себя. На то, что нежный образ въелся в меня, словно яд. Что даже сейчас, глядя на ночной город, я ощущал вкус её стона на губах, тяжесть её груди в ладонях и пульсирующее живое тепло её плоти под пальцами.

Я знал – я всё равно возьму её. Пусть позже. Когда Алисия будет готова. Или когда я заставлю её сдаться. Потому что я не святой. Я – Бессмертный, сын Каморры. И я не умею отпускать.

ГЛАВА 7

Алисия.

«Я не думаю, что буду снова играть персонажа из мафии. Хочу немного уйти от насилия, потому что оно начинает меня беспокоить»

Утро пришло слишком рано.

Я почувствовала его наступление ещё до того, как тонкий рассветный свет прорезал жалюзи. Сначала тихий гул улицы за окном: где-то хлопнула дверь, залаяла собака, слышались визг тормозов. Мир продолжал жить, а я лежала, укрывшись подушкой, и пыталась отгородиться от него, спрятаться. Свет полосами падал на стены, высвечивая облупленную краску, и казался невыносимо ярким.

Горло саднило, будто я проглотила осколки стекла. Грудь сдавливало, каждая попытка сделать вдох была мучительной. Сны всё ещё рвались из темноты – кусками, обрывками, словно киноплёнка застряла и сгорает прямо в проекторе. Его пальцы, горячие и настойчивые. Его губы, прижимающиеся к моей коже так, словно хотят оставить на мне незримую метку. Его хриплое дыхание, когда он вдавливал меня в холодный металл машины своим телом, лишая воздуха и разума. Его руки, такие грубые и властные, легко разрывали

мои границы, превращая меня в безвольную пленницу собственного желания.

Я резко села в постели и уставилась в потолок. Сердце бешено колотилось, удар за ударом отдаваясь в висках. Я встала и мои ноги коснулись холодного пола, и от этого по всему телу пробежал неприятный озноб. Медленно прошла в ванную, стараясь не смотреть на отражение в тусклом зеркале, пока все же не пришлось поднять глаза. Длинные волосы, растрёпанные и спутанные, щеки до сих пор горят, глаза светятся жадой и безумием, будто я персонаж истории о вампирах. Со стыдом я отмечаю след его губ, оставшийся на моей шее, тёмная метка, словно шрам его желания. Я осторожно коснулась пальцами ямки на шее, кожа пылала. Доказательство. Знак того, что он проник глубже, чем я могла позволить. Внутрь, прямо под кожу, в мои мысли и в моё незащищенное сердце, которое я поклялась держать закрытым.

«Что я делаю?..» – вопрос сорвался беззвучным шёпотом, и я закрыла глаза, зажмурилась в тщетной надежде сбежать от ответа и того, что я чувствовала.

Я должна была его бояться.

Страх – единственная здравая реакция на мужчину вроде него. Любая нормальная женщина уже давно бы сбежала, спряталась за тысячи километров, изменила имя, стерла свое прошлое. И даже этого могло бы не хватить, потому что Стефано умел находить людей. Он умел ломать их так же легко,

как ломал кости.

Он угрожал, убивал, и никогда не испытывал ни сомнений, ни жалости. Его жестокость была абсолютной, такой же естественной, как дыхание. Стефано не ведал обычных людских слабостей, в его жилах текла только ледяная решимость и сила, которая могла раздавить любого.

И я знала всё это. Знала, кем он был. Но каждый раз, когда думала о нём, мой живот предательски сжимался, будто внутри разгорался огонь. Воспоминания о его прикосновениях жгли, обжигали, прожигали меня до костей. Его пальцы – сильные, жесткие, властные, оставили след не только на коже, но и внутри меня, где-то в самой тёмной глубине, которую я пока боялась признавать.

Что-то со мной было не так. Я не должна хотеть его. Не должна мечтать о боли, смешанной с наслаждением, которое он умел дарить и отнимать одним движением. Это ненормально. Это грязно. Это... извращённо.

Но я хочу. Хочу так отчаянно, что ненавижу себя за это. И всё равно, когда закрываю глаза, мои руки невольно тянутся к пустоте, пытаюсь нащупать его силуэт, его кожу, его жестокую нежность.

И может быть... я уже не могу без него.

Мысль обжигает, как глоток крепкого алкоголя на голодный желудок. Она скручивает меня изнутри, заставляет сердце пропускать удары, дыхание сбивается, будто в ма-

ленькой комнате стало слишком мало воздуха.

Чёрт. Нет. Я не могу это произнести. Даже внутри себя.
Любовь?

Это слово пробивает меня насквозь, оставляя зияющую дыру, из которой тут же начинает сочиться боль. Если я скажу это вслух, всё рухнет. Все мои стены, все маски, вся иллюзия контроля.

Если я правда люблю Стефано Бьянки – я погибну.

Он не спасёт меня. Он уничтожит. Не потому, что хочет зла, а просто потому, что он такой. Его натура – разрушать. Взять всё, что ему принадлежит, и выжечь остальное до тла. Он привык брать, подчинять, ломать. И я... я слишком хрупкая, чтобы выдержать это.

Я представляю, что будет со мной, если однажды Стефано уйдёт. Если просто исчезнет, когда насытится мной, моим телом, моими криками и шёпотом. И тогда я не вынесу этого. Не смогу собрать себя заново из осколков. Потому что он уже внутри меня. Не в сердце, нет – глубже. Он уже в голубоватых венах под кожей, в моей крови. И в каждой чёртовой клеточке моего тела.

Моё проклятие. Моё желание. Моя зависимость.

Поэтому я должна уйти. Уйти не потому, что я боюсь его. Нет. Его – я, наверное, уже не боюсь. Я боюсь себя рядом с ним. Боюсь той себя, в кого превращаюсь, и которая готова на всё, лишь бы он снова коснулся, снова прижал, снова по-

смотрел так, будто я – единственное, что имеет значение в его мире. И именно это страшит меня сильнее всего.

Я вышла из ванной. Мия сидела на кухне, как всегда, – на своём месте, в старой футболке, поджав ноги. Чашка в её руках дымилась, и пар мягко стелился по лицу, делая её глаза ещё более уставшими. Она не спросила ничего, когда я вошла. Не обернулась резко, не удивилась. Просто тихо дождалась, пока я сяду рядом и обниму колени, пряча лицо.

– Мне нужно уехать, – прошептала я, и слова сорвались с губ, заполнив тишину тяжёлой безнадежностью. Глаза мгновенно залило слезами, горячими, обжигающими, невыносимыми.

Мия молчала. Лишь спустя минуту она медленно кивнула, и я знала: она всё поняла. Не нужны были объяснения. Мы с ней всегда чувствовали друг друга без слов, и это было пугающе и спасительно одновременно.

– Он сломает тебя, – сказала она почти шёпотом, но её голос прозвучал как приговор. – Я видела, как ты смотришь на него.

Я закрыла лицо руками и захлебнулась всхлипом.

– Я правда не могу. Если останусь – исчезну. Он сотрёт меня, Мия.

Мы плакали вместе. Тихо, уткнувшись друг в друга, как две потерянные души, которым больше некуда было идти. Её

руки обнимали меня крепко, надёжно, так, как никто другой никогда не умел.

Через какое-то время она отстранилась, вытерла ладонью мокрое лицо и пошла в комнату. Вернулась с небольшим конвертом. Деньги. Совсем немного – я знала, как тяжело она их собирала. Маленькая кредитка. И рюкзак, старый, потёртый, но вместительный. Возможно, всего этого хватит, чтобы купить себе немного времени. Но не будущего.

– Я найду тебя, если что, – прошептала она, всунув всё это мне в руки. Её пальцы дрожали. – Но, пожалуйста, держись подальше от Стефано. Если он правда тот, кем ты его считаешь... он не простит побег.

Я кивнула, едва различая её сквозь пелену слёз. Горло сжалось, голос отказался подчиняться. Я просто обняла её, впитывая тепло, которое придётся оставить позади.

Потом – словно во сне – я взяла телефон, открыла приложение и вызвала такси.

Каждое движение давалось с трудом, как если бы я делала шаги по вязкому болоту.

И всё это время в груди гудела одна мысль: *он почувствует, что я ухожу.*

Город за стеклом такси теперь казался чужим. Холодным, равнодушным, мёртвым. Башни стекла и стали вырастали на горизонте, как острые лезвия, разрезающие тёмное небо. Фа-

ры встречных машин размазывались по влажному асфальту, оставляя за собой светящиеся следы, словно призраки. В окне отражалось моё лицо – бледное, потерянное, с распухшими от слёз глазами.

Я крепче прижала рюкзак к груди, словно в этой тряпичной оболочке могла спрятать сердце, которое колотилось так громко, что казалось водителю обязательно услышит. Вот-вот обернётся и спросит, почему я так дрожу и куда бегу. Но он смотрел только на дорогу, уставший и безразличный, как и весь этот огромный бездушный город.

«Стефано...»

Я зажмурилась, уткнувшись лбом в холодное стекло. Но воспоминания хлынули мгновенно, накрыли с головой, и я снова оказалась не в такси, а там – с ним.

Его губы, требовательные и жадные, оставляли горячие следы на моём теле. Его дыхание, хриплое, горячее, вновь опалило ухо и шею, заставив кожу покрыться мурашками. Его руки – сильные, мускулистые – скользили по моим бёдрам, сжимали, не оставляя выбора, не давая шанса вырваться.

Жар, разливающийся между ног, был мучительным, невыносимым. Он вспыхивал снова и снова при одном только воспоминании о том, как Стефано прижимал меня к себе, как рушил мой контроль и волю.

«Значит, я буду первым...» – его шёпот до сих пор жил

во мне. Тихий, опасный, властный, он был обещанием и угрозой одновременно. Эти слова прожгли память насквозь, глубже боли.

Ты правда хочешь всё забыть?

Убежать от него? От себя?

Внутренний голос звучал слишком ясно, слишком знакомо, словно сам Стефано сидел рядом, впившись в меня взглядом.

Я сжала рюкзак крепче, до боли в руках, словно это могло заглушить мысли.

– Да... – шёпотом ответила сама себе, почти беззвучно. – Потому что иначе – сгорю.

Но внутри всё сжималось. Может быть, я уже горела. Я могла отталкивать его, могла закрывать глаза, могла убегать на край света, но он всё равно был со мной. В каждом воспоминании. В каждом сновидении. В каждом дуновении ветра, которое напоминало его запах.

Я точно знала, кем он был и знала... Стефано найдёт меня, если захочет.

Мысль об этом сжала грудь ледяным обручем. Страх и желание переплелись, превратившись в болезненное ожидание. Но сейчас... я еду в аэропорт.

Чтобы спастись. Или хотя бы попытаться.

Сбежать от него. От себя. И от этого проклятого чувства, которое разрывает меня на части, делает слабой, зависимой, чужой самой себе. От любви, которая не должна случиться.

ГЛАВА 8

Стефано.

«Она была светом моей жизни. Красивая девушка».

Орион жил своей грязной, сладкой жизнью.

Воздух был пропитан похотью. Табак, перегар, пряные души и сырой запах тел смешивались в такой плотный дурман, что он будто лип к коже. Басовая музыка пробивала стены и кости, свет ломался на бокалах и на полуголых телах, извивавшихся на сцене и в зале. Это место было храмом забвения, где никто не помнил, кто он есть, и где все поклонялись тайным порокам и изменным желаниям.

В глубине бара, за закрытой массивной дверью, разворачивалась другая сцена – более камерная, но и более грязная.

Анджело сидел в широком кресле, как властелин на троне. Его поза была ленивой, но властной: ноги широко расставлены, рубашка расстёгнута на крепкой груди, рука с сигаретой свисала вниз. На его коленях ерзала крашенная блондинка, короткое платье давно задралось, чулки сползли, грудь вываливалась из лифчика. Она тёрлась о его бедро, скользила губами по его шее, пытаясь заслужить хотя бы крупницу его внимания. Но он смотрел в телефон. Для Ан-

джело женщины были пустыми оболочками, плотью, ртом, дырками, которые можно использовать. Лишь вместилищем его члена. Не больше.

Блондинка скользнула губами ниже, одновременно руками расстёгивая ремень его джинсов. Он даже не вздохнул. Лишь чуть раздвинул колени, позволяя ей опуститься ниже.

На соседнем диване развалился Марио. В правой руке у него был бокал с бурбоном, левая лежала на затылке девчонки с короткой стрижкой. Она стояла на коленях и работала ртом глубоко и ритмично, издавая влажные непристойные звуки. Марио посмотрел на брата, губы тронула ленивая усмешка.

– Давай, малышка, – сказал он хрипло, чуть надавив на голову девицы. – Покажи, что ты умеешь.

Она застонала, давась им, но он только сильнее надавил на ее голову, прижимая ее лицо к своему члену.

В углу сидел Лука. Его ноги были закинута на низкий столик, в руке привычная бутылка пива. На нём танцевала рыжая – её юбка и бельё валялись на полу, она сидела на нём, закинув руки ему на плечи, и скользила вверх-вниз, издавая громкие стоны. Лука чуть подался вперёд, лениво, без усилий, и этого хватило, чтобы она закричала от удовольствия.

Я сидел, держа в руке бокал виски и чувствовал, как стекло скрипит в пальцах. Крепкий алкоголь обжёг горло, но

внутри всё равно было пусто. Никакой огонь не способен выжечь эту чёртову дыру. Даже здесь – среди липкой музыки, громкого смеха, стонов и женщин, готовых раздвинуть ноги при малейшем намёке, – я слышал только тишину.

Высокая девица с кричаще-красными губами и огромными сиськами, которые просто вываливались из чересчур узкого платья, скользнула ближе, её духи били в нос сладким удушьем. Она провела пальцем по моему плечу, прижалась грудью, опускаясь так низко, что я почувствовал её дыхание у шеи. Шлюшка смотрела на меня снизу вверх, с готовностью, с жадной, с этой дешёвой похотью в глазах.

– Хочешь, я сделаю тебе приятно? – прошептала она, облизывая губы.

Я не выдержал и оттолкнул её так резко, что она чуть не упала.

– Проваливай нахуй, – выдохнул я сквозь зубы, глядя мимо неё.

Она замерла, будто я ударил её, потом попыталась улыбнуться снова, но я нарочно отвернулся от нее.

И тут во мне всё взорвалось. Что, блядь, со мной не так?! Когда всё изменилось?!

Раньше я не думал. Не выбирал долго. Я брал любую. В любой позе, в любом месте. На коленях, лицом в пол, на столе, на заднем сиденье своей машины. Их стоны, их слёзы, их мокрые рты – всё это было моим развлечением. Я трахал их,

а потом забывал и шел дальше. Это было просто. Привычно. Это было моей жизнью.

А сейчас? Сейчас я, как последний идиот, отталкиваю шлюху, готовую вцепиться зубами в мой член, лишь бы доказать, что она умеет сосать лучше других. Но вместо того чтобы вдавить её головой в свой пах и использовать, как раньше, я говорю ей «нет».

Я сжал зубы до боли, скулы ныли. Какого хуя?!

Я знаю ответ. Из-за неё. Из-за этой девчонки с теплыми смеющимися глазами. Она въелась в меня, как яд, и я ненавижу Алисию за это.

Я хочу вернуться к себе прежнему. Хочу снова быть тем, кто рвёт, берёт, трахает всё, что движется. Я со злостью поднёс бокал к губам и опрокинул в себя весь виски разом. Горечь и огонь хлынули в горло, обожгли нутро, но этого было мало. Я хотел, чтобы сжигало сильнее, чтобы хоть на секунду заглушило то, что рвало меня изнутри.

– Чёртова сука, – выдохнул я, даже не понимая, о ком говорю. То ли о шлюхе, которую оттолкнул. То ли о себе. То ли о ней.

Я сходил с ума.

Телефон завибрировал на столике, и я сразу заметил имя. Вито.

Управляющий “Вероны”. Мой человек. Он не имел привычки тревожить меня по пустякам. И если звонил – значит,

случилось что-то действительно важное. Я схватил трубку.

– Что? – рывкнул я резко, и в голосе было больше ярости, чем вопроса. На линии повисло короткое молчание. Потом раздался голос Вито, и я сразу услышал в нём то, что ненавидел больше всего, – страх.

– Стефано... Алисия... Она ушла. Позвонила и сказала, что не выйдет и больше не сможет работать. Всё произошло слишком быстро, будто... будто она сбегала.

Мир застыл.

Я перестал дышать, в ушах зашумело так, что я почти оглох.

– Что... – мой голос предательски сорвался на хрип, пальцы вцепились в стакан так, что стекло жалобно заскрипело. – Что, блядь, значит – ушла?!

– Все произошло слишком внезапно, – торопливо проговорил Вито. – Она не объяснила. Только сказала, что ей нужно. Я думаю... я думаю, она собирается уехать.

Тишина навалилась на меня, как удар в солнечное сплетение. Всё внутри сжалось. На секунду показалось, что воздух в комнате закончился.

– Блядь, – снова процедил я сквозь зубы и резко встал, стул с грохотом отлетел в сторону, громко ударившись о стену. Виски пульсировал в крови, но теперь он был бесполезен – меня трясло не от алкоголя.

Анджело оторвал взгляд от телефона. Его глаза – тёмные, внимательные, прожигающие до костей. Сейчас он не просто смотрел: изучал, взвешивал, проверял, не сойду ли я, не дрогну ли.

– Стефано, у нас проблемы? – спросил он лениво, но я знал, что это всего лишь иллюзия. Его спокойствие всегда было опаснее ярости.

Я провёл ладонью по лицу, сдерживая гнев, который грозил вырваться изнутри.

– Нет... Алисия. Она сбежала. Я должен её вернуть.

Бровь Анджело приподнялась, и уголок губ дёрнулся в почти незаметной усмешке. Этот взгляд был хуже любого удара – в нём явно читались неприкрытый скепсис, вызов, проверка на прочность.

– Не похоже, что ты держишь ситуацию под контролем – произнёс он тихо, и каждое его слово хлестало, словно плеть.

Я сжал зубы.

– Держу, – процедил я. – Каморра всегда на первом месте. Всегда. Но сейчас... разреши мне сделать то, что я должен.

Между нами повисла тишина. Тягучая, как дым, тяжёлая, как свинец. Он молчал, потому что знал: мне больше нечего сказать. Я молчал, потому что каждая секунда ожидания жгла изнутри, будто пытка.

Наконец он кивнул, медленно, словно судья, выносящий приговор:

– Иди.

Я уже повернулся к выходу, когда его голос прозвучал за спиной – ровный и холодный, как сталь:

– Помни, Стефано. Каморра превыше всего.

Слова ударили в спину сильнее, чем если бы он приставил к ней нож.

Мотор взревел, как дикий зверь, рвущийся с цепи. Гул заполнил грудь, вибрация отозвалась в рёбрах так, будто я сам был частью машины. Асфальт под колёсами визжал и жаловался на скорость, на ярость, с которой я гнал эту тварь из стали вперёд.

Я давил на газ до упора. Стрелка спидометра скакала вперед, бешено дрожа, и этого всё равно было мало. Красный свет светофора мелькнул, но для меня он был пустым пятном. Я пролетел сквозь перекрёсток, слыша, как где-то в стороне с визгом тормозят чужие машины. Плевать. Дорога, сигналы, правила – всего этого сейчас не существовало.

Я видел перед глазами только одно. Алисию. Как она идёт прочь, упрямо выпрямив спину, сжимая ремень сумки так, будто это её спасательный круг. Как волосы бьются о плечи при каждом шаге. Как подбородок поднят чуть выше, чем нужно, – жест отчаянной гордости, за которым она прячет

дрожь. Я видел, как Алисия исчезает.

Руки вцепились в руль так, что костяшки побелели. Я был на грани – ещё секунда, и я либо разобьюсь к чёрту, либо прорвусь, как всегда.

Телефон завибрировал на сиденье, я схватил его и гаркнул:

– Нико!

– Да, босс? – его тон стал суше и отрывистее, и я услышал, что он понял: дело серьёзное.

– Узнай, куда поехала Алисия Морено. Такси, номер, терминал, всё, что сможешь. У тебя минута, – рыкнул я так, что, кажется, телефон задрожал.

Пауза. Долгие, мучительные секунды, пока я лавировал между машинами, в сантиметре пролетая от чужих боковых зеркал. Сзади сигналили, кто-то орал, но я не слышал, сосредоточившись только на дыхании Нико в трубке.

Наконец Нико выдохнул:

– JFK. Такси уехало десять минут назад.

Я со всей силы ударил ладонью по рулю. Резкий звук отозвался в ушах, как выстрел.

– Блядь! Вены на руках вздулись, сердце стучало так, что я чувствовал каждый удар в висках. Я снова втопил педаль до пола. Кадиллак зарычал, словно живой, бросился вперёд,

сметая всё на своём пути.

Она могла думать, что сбежит. Что я позволю.

Но клянусь, я разнесу весь этот город к чёртовой матери, переверну каждый дом, каждый закоулок, каждый неприметный угол – я разрушу все, если придётся. Но она не скроется...

Аэропорт ударил в лицо серым, мертвенным светом тусклых ламп. Огромный холодный зал гудел тысячами голосов, словно растревоженный улей. Толпы людей тянулись бесконечными вереницами, чемоданы скрипели по полу, кто-то громко спорил, дети плакали, из динамиков одно за другим сыпались объявления о рейсах. Всё это смешивалось в вязкий, тягучий шум, от которого хотелось выть.

Я ворвался внутрь так резко, что люди шарахнулись в стороны. Мои шаги гудко отдавались по плитке, но сам я почти не чувствовал пола под ногами. Адреналин гнал меня вперёд.

Равнодушная толпа двигалась медленно, как безликая вязкая масса. Каждое тело на пути казалось преградой. Люди плелись, волочили чемоданы, переговаривались, и я едва сдерживался, чтобы не растолкать их ко всем чертям. Мне ни к чему было лишнее внимание, но я уже чувствовал, как бешенство поднимается всё выше – горячая, обжигающая волна.

– Дерьмо... – процедил я сквозь зубы, обводя взглядом

десятки лиц. Сердце билось так, что его ритм заглушал всё вокруг. – Где ты, чёртова девчонка?..

Я всматривался в лица, хватал глазами каждую женскую фигуру в толпе. Высокая брюнетка. Низкая шатенка. Девушка с ребёнком на руках. И наконец... Я замер.

Алисия стояла у стойки регистрации, вцепившись в ручку потрепанного рюкзака так, будто от этого зависела её жизнь. Её волосы выбились из-под резинки и падали на лицо мягкими прядями, чуть растрёпанными от спешки. Она кусала губы от напряжения, глаза метались по сторонам, но выдавали одно – растерянность и боль. Алисия пыталась держаться, но её плечи дрожали, дыхание сбивалось, и мне было ясно: бежать для неё так же тяжело, как и оставаться.

Я сделал шаг – и в этот миг она подняла голову.

Наши взгляды столкнулись. Её рот приоткрылся, она застыла на мгновение.

Потом ее глаза расширились – удивлённые, настороженные, почти испуганные. Я видел, как в них вспыхнуло узнавание, когда Алисия поняла: я всё равно нашёл её.

И в тот же миг она сделала шаг назад.

В её обреченном взгляде отразилось то, что я всегда знал о себе: я несу с собой не спокойствие, а шторм. И она боялась его. Боялась меня. Я двинулся к ней.

Шаг. Второй. Третий. Я шел стремительно и резко, мне казалось, каждая секунда, что она проводила не рядом, могла забрать Алисию у меня. Мои ботинки гулко били по полу, в наступившей тишине каждый шаг звучал, словно выстрел. И зал откликнулся: люди оборачивались, спотыкались, шаркались в стороны.

Толпа передо мной расходилась сама, чувствуя безмолвную угрозу. Словно зверь вырвался из клетки, и теперь все знали: лучше не вставать у него на пути.

Я видел, как чьи-то глаза скользнули к Алисии – с жалостью и сочувствием, будто кто-то из этих убогих понял, что она попала в беду. Но стоило им перевести взгляд на меня, и всё сочувствие испарялось, оставался только страх. Они нутром чувствовали: я не просто человек, я хищник. И ярость во мне уже кипела, готовая вырваться наружу, грозя затопить и уничтожить все на своем пути.

Я почти врезался в неё.

– Ты что, твою мать, творишь?! – рявкнул я так, что половина очереди вздрогнула и отвернулась.

Она открыла рот, будто собиралась что-то сказать. Я успел увидеть, как дрогнули её губы, как в глазах мелькнуло что-то: протест, оправдание, страх? Но она не успела.

Я схватил её за запястье. Пальцы сомкнулись жёстко, до

боли, и на нежной коже проступили ярко-красные пятна. Она всхлипнула, коротко, тихо – и это только сильнее свело меня с ума.

– Идём, – процедил я, рывком притянув её к себе.

Алисия пошатнулась, почти врезавшись в мою грудь, и я потянул её к выходу. Люди торопливо отскакивали, смотрели вслед, но никто не осмелился встать у меня на пути.

Я тащил испуганную Алисию за собой, и с каждым шагом во мне крепло ощущение: ещё миг – и я потеряю контроль.

Люди продолжали глазеть. Их взгляды жгли спину, как сотни игл. Кто-то останавливался, шептался, показывал пальцами. Но никто – ни один, мать их, ублюдок – не решился вмешаться. Они знали: я опасен и это не их дело. И каждый предпочитал заткнуться, лишь бы не оказаться на моём пути.

Из толпы вынырнул охранник. Широкоплечий, уверенный, с той суровой решимостью, которой прикрываются все эти ублюдки в форме. Он шагнул ближе, грозно сверкнул глазами, уже открыл рот – и тут его взгляд зацепился за мой рукав. За тёмные линии татуировки Каморры на предплечье. За знак моей семьи.

Я увидел, как эмоции изменились на его лице буквально за секунду. Решимость испарилась, остался только жалкий страх. Он застыл, будто упёрся в стену, а потом так же тихо отступил назад. Растворился в толпе. Исчез.

Алисия дёрнулась, снова попыталась заговорить. Её губы

шевелились, но слова утонули в гуле моего бешенства. Я тащил её сквозь толпу, крепко держа за руку, не давая ни малейшего шанса вырваться. Люди расступались, создавая нам коридор. И каждый их трусливый взгляд вслед говорил об одном: они понимали, что я смертельно опасен, и рядом со мной сейчас лучше не дышать.

У машины Алисия вдруг рванулась, упёрлась ногами, заставив меня остановиться. Ее дыхание сбилось, глаза лихорадочно блестели, пряди волос еще больше выбились из причёски и липли к вискам и шее, влажным от пота и спешки. Она выглядела так, словно ещё секунда, – и она закричит.

– Стефано... – пискнула она тонко, отчаянно, почти умоляюще.

Я рывком распахнул дверь кадиллака и толкнул её внутрь так резко, что Алисия вскрикнула и едва не ударилась о сиденье. Металл вздрогнул, когда я захлопнул дверь.

– Дома поговорим, – рявкнул я низко и яростно, разом обрывая все возражения и протесты.

Я обошёл капот, сел за руль. Шины истошно взвизгнули, резкий запах горелой резины ударил в нос, и машина рванула вперёд, сорвавшись с места так резко, будто я гнал её прямо в ад.

И да, я был готов ехать туда без колебаний. Лишь бы она была рядом.

ГЛАВА 9

Алисия.

«Я не чувствую, что должен уничтожать всех подряд,

Том. Только своих врагов, вот и всё»

Машина летела по ночному Манхэттену так стремительно, что казалось, мы мчимся не по асфальту, а по чёрной глади реки, усыпанной отражениями огней. Дождь стекал по лобовому стеклу тонкими прозрачными жилами, и каждая вспышка фар превращалась в размазанный световой след, создавала нереальный калейдоскоп. Снаружи город шумел, гудел, жил своей хаотичной жизнью, а внутри – царила мёртвая, вязкая тишина, которая давила на грудь сильнее ремня безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.